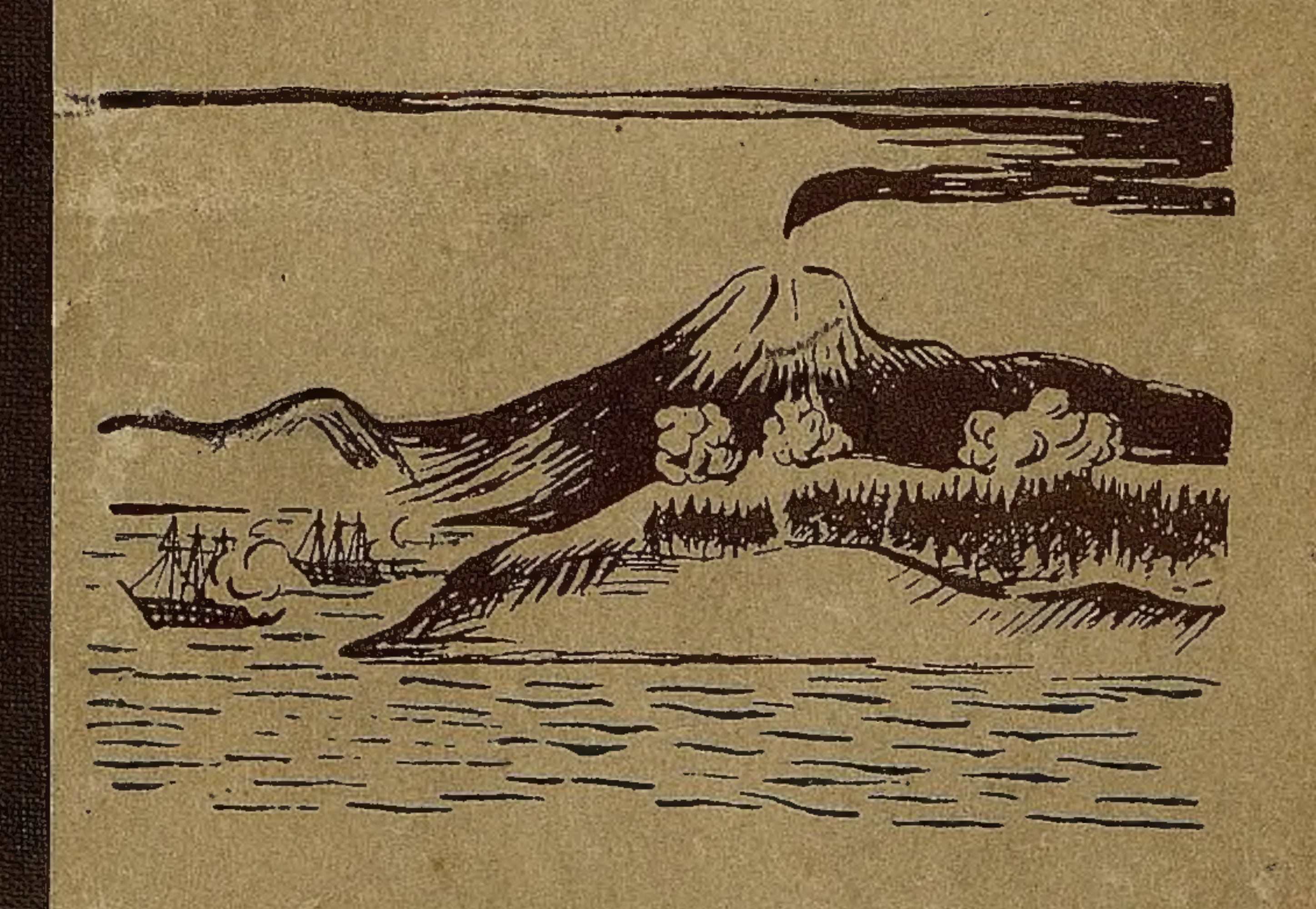
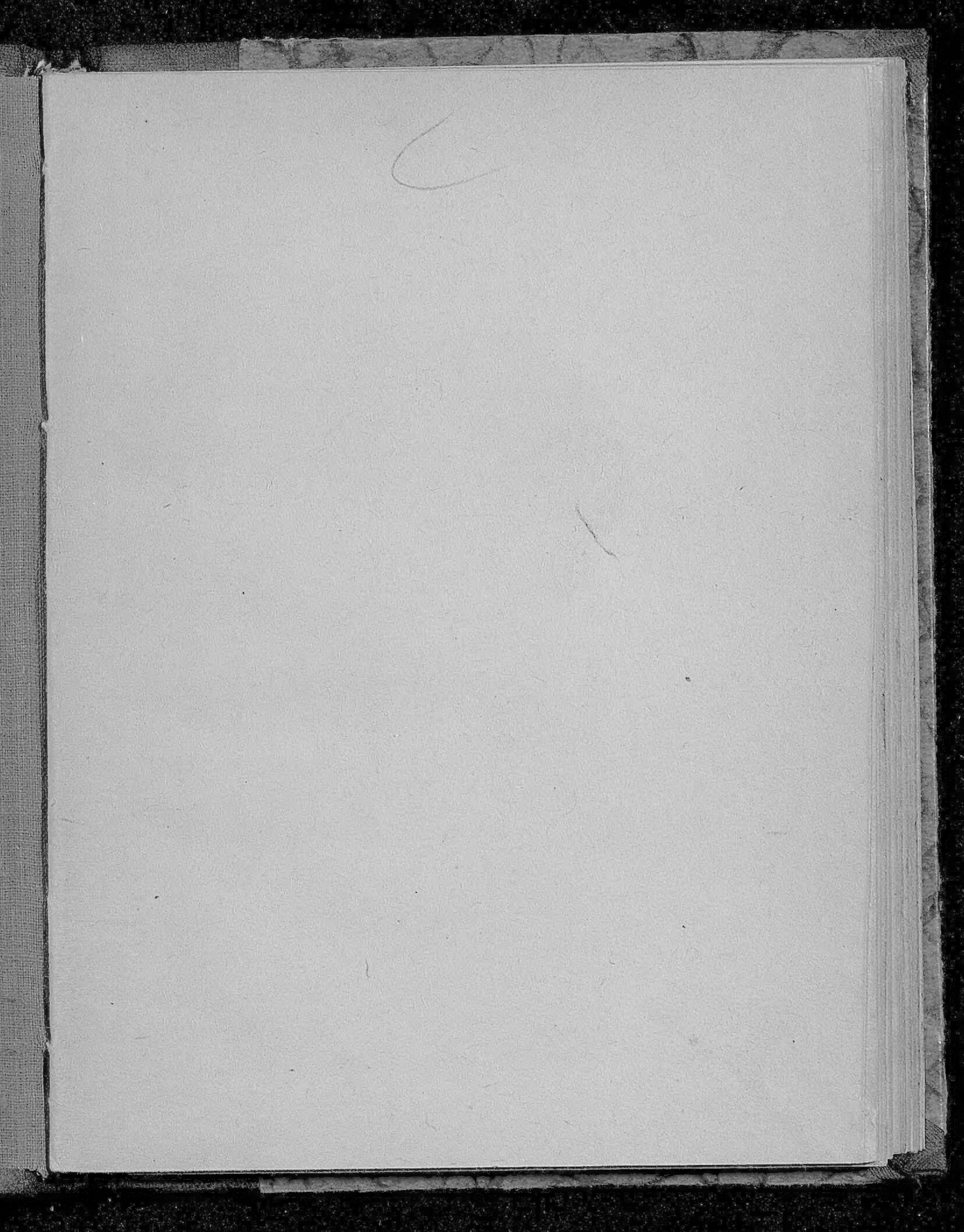
М. А. Сергеев

Оборона Петропавловска на Камчатке

ВОЕНМОРИЗДАТ — 1940

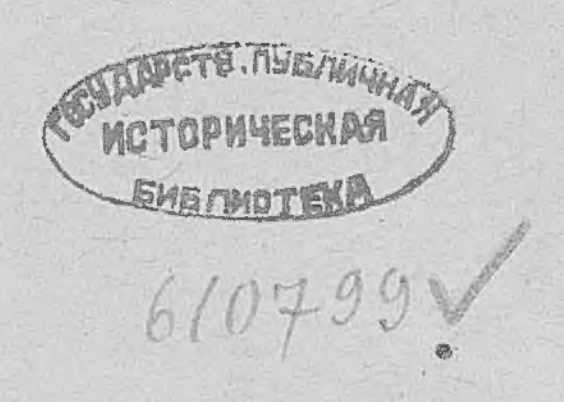
М. А. СЕРГЕЕВ

ОБОРОНА
ПЕТРОПАВЛОВСКА-НА-КАМЧАТКЕ

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Книга М. А. Сергеева посвящена героической защите Петропавловска-на-Камчатке в годы Крымской войны. Немногочисленная и слабо вооруженная группа русских солдат показала высокие образцы мужества и разбила превосходившие ее во много раз силы англо-французов.

Книга рассчитана на массового читателя.

Редактор *Л. Розанова*.
Техн. ред. *П. Аксенов*.
Корректор *А. Виноградова*.

Сдано в производство 28/XII 1939 г. Подписано к печати 29/II 1940 г. Формат бумаги 70 × 108. № Г 127040. Объем $2^3/_8$ печ. л. Уч.-авт. л. 3,33. Изд. № 201. В бум. листе 120.000 знаков. Зак. № 22.

Адрес изд-ва: Ленинград, здание Гл. Адмиралтейства.

Тип. им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

«Серьезное внимание должно быть уделено изучению нашей военно-морской истории, являющей много примеров замечательного героизма и высокого мастерства».

«Правда», 19 июня 1939 г., № 168, передовая.

Одним из героических и одновременно почти забытых эпизодов Крымской войны была оборона Петропавловска-на-Камчатке от соединенной франко-английской эскадры осенью 1854 г. Петропавловские бои были отдаленным, но громким отголоском европейской войны, разыгравшейся на противоположном конце земного шара, и привлекли на несколько лет к Камчатке внимание всего мира.

Правильное понимание этих событий требует хотя бы самого беглого обзора общего политического положения, сложившегося на Дальнем Востоке к середине XIX в.

Дальний Восток — искони русская земля

«Греция, Рим, Старый и Новый Свет могут хвалиться героями своими, сколько хотят. Я не знаю, отважились бы они на то, что герои Буза, Перфильев, Бекетов, Нагиба, Хабаров, Степанов и многие другие учинили».

Сибирский историк Фишер. 1774 г.

Весь Дальний Восток — восточное Забайкалье, Приамурье и Приморье, Сахалин и Охотско-Камчатско-Чукотский край — является исконной русской землей, освоенной на протяжении нескольких столетий великим русским народом.

В прошедшем (1939) году исполнилось триста лет со времени первого появления русских на берегах Тихого океана. Русские земле- и морепроходцы были первыми европейцами, попавшими на Дальний Восток, начиная с его крайнего севера — мыса Дежнева на Чукотке — и кончая югом — заливом Анива на Сахалине. Берингов пролив, разделяющий материки Евразии и Америки, Командорские, Алеутские, Прибыловы, Курильские, Шантарские и другие тихоокеанские острова, морские пути в Северную Америку, Калифорнию, Японию, Китай, Сандвичевы острова и другие, были открыты русскими мореплавателями. Богатый и почти пустынный Дальний Восток был впервые заселен русскими людьми. Они первыми освоили и Русскую Америку, составляющую в настоящее время одну пятую часть всей территории США.

К концу XVIII — началу XIX в. владения русского народа распространялись далеко за пределы Азии. До 60-х гг. прошлого столетия северная часть Тихого океана была в сущности русским внутренним морем.

Русские были не только первыми открывателями, завоевателями и засельщиками Дальнего Востока. Весь этот край впервые был исследован русскими путешественниками и учеными, в первую очередь отечественными военными моряками. Они открыли мировой науке загадочную до тех пор восточную часть «Татарии» (Сибири).

На протяжении первых полутора столетий со времени появления русских на Дальнем Востоке о каких-либо других, европейских и внеевропейских, народностях — англичанах, французах, американцах, японцах — там не было и помина. В те времена европейские мореплаватели, побывавшие уже во всех других океанах, знали лишь южную часть Тихого океана. О северо-западных его водах, лежащих за японским островом Нипон и за Калифорнией, царили самые фантастические сведения. Япония появляется в этих водах лишь в XIX в. Приамурский край ко времени описываемых событий принадлежал России уже более двух столетий.

Вскоре после основания Якутска (1632 г.) по Сибири распространились слухи об исключительных богатствах Даурии (Приамурья): «Страна по реке Амуру прослыла новым Ханааном, райскою по Сибири землею». Горсть отважной вольницы, во главе с Поярковым, прошла в три года (1643 — 1646) более семи тысяч верст и положила начало русскому проникновению на Дальний Восток. Отправившийся вслед за Поярковым Хабаров подтвердил славу Амурской земли, которая «против всей Сибири будет украшена и изобильна». Начался приток в Даурию русских людей из Сибири.

К 80-м гг. XVII в. России принадлежало уже все Приамурье, Уссурийский край и часть бассейна Сунгари. На всей этой громадной территории были разбросаны

многочисленные русские острожки[1] (Албазин, Амгунский, Ачанский, Делинский, Зейский, Кумарский и др.), деревни и слободы, однодворки и заимки русских хлебопашцев (Андрюшкина, Игнатина, Озерная и др.).

Все эти земли никогда не принадлежали Китаю. Китайцы, особенно манджуры, в это время только еще начинали интересоваться Приамурьем, проникали туда для торговли и пытались объясачить амурские народности. Узнав о появлении русских, Китай посылает на Амур свои войска для их вытеснения, но первое время терпит поражения.

Московское правительство не решалось присоединить окончательно Приамурье. Его удерживала от этого боязнь больших расходов на содержание гарнизонов на далекой окраине, опасения войны с Китаем и т. д. Оно ограничилось поэтому основанием в верховьях Шилки Нерчинского острога (1654 г.), который должен был стать опорой русского влияния на Амуре. Проводя такую политику, Москва не удаляла из Приамурья находившихся там казаков, служилых и охочих людей, даже поощряла проникновение туда новых поселенцев, но не оказывала им никакой помощи.

Предоставленные собственным, крайне ограниченным силам, нуждаясь постоянно в вооружении и продовольствии, русские оказались на Амуре в очень тяжелом положении. Тем не менее они упорно оставались в Приамурье, строили свои городки, заводили пашни, мельницы и пр.

Между тем натиск Китая, учитывавшего трудное положение русских на Амуре, усиливался. Против незначительных отрядов, не превышавших обычно нескольких сот человек, посылались многотысячные войска: пехота, кавалерия, артиллерия, флот.

Все это вынудило, наконец, Москву начать переговоры с Китаем об установлении границ в Приамурье.

---

[1] Старинное названне укрепленных пунктов в Сибири.

Этот первый период в истории Амура закончился известным Нерчинским трактатом 1689 г.

В договоре была точно указана только западная граница, в бассейне Шилки. Дальнейшая, к востоку, до моря, граница была определена «каменными (становыми) Хинганскими горами (хребтом)», направление которых в те времена никому не было известно. Все громадное пространство между рекой Уда[1] и хребтом осталось совершенно не разграничено.

Туманная формулировка Нерчинского договора отторгнула формально, по мнению русского правительства, все Приамурье почти на 170 лет от России. Полагая, что все эти территории отошли к Китаю, правительство делало неоднократно безуспешные попытки разграничить владения и добиться свободного плавания по Амуру. Но — по иронии истории — Китай в течение всех этих 170 лет тоже не считал Приамурье своим владением. Добившись запрета русского плавания по Амуру, но опасаясь вызвать неудовольствие своего могущественного соседа, китайское правительство оставило все среднее и нижнее течение Амура в том самом положении, в каком его застал Поярков в 1644 г. Мало того, все земледельческие племена, населявшие Амур до появления русских (дауры, дючеры, гогули), были переселены по распоряжению китайского правительства в Манчжурию. Все левобережье Амура, не принадлежавшее таким образом, по формальному толкованию договора, ни России, ни Китаю, было заселено преимущественно кочевым туземным населением. Никаких китайских поселений, постов и караулов в Приамурье не было. Нивхи (гиляки) низовьев Амура, как и другие амурские народности, были совершенно независимы от Китая. Манджуры, посещавшие Амур для торговли, приходили сюда самовольно, без ведома правительства. Таким образом

---

[1] Река Уда впадает в одноименную губу в юго-западном углу Охотского моря.

Амурский край был полностью оставлен Китаем во владение России, а Россией — во владение Китая.

Нахлынувшие из коренной России и Сибири русские не покинули обжитых ими мест на Амуре и после Нерчинского договора. Они остались в самых глухих таежных уголках Дальнего Востока и проникали, спускаясь вниз по Амуру, все дальше и дальше внутрь страны. Первые русские: вологодцы, вятичи, пермяки, уральцы и т. д., потомки которых образовали впоследствии два особых казачьих войска (амурское и уссурийское), а также гонимые преследованиями властей старообрядцы разных толков, основали в дебрях Приамурья свои скиты и поселения и явились пионерами земледелия на Амуре.[1] Одни названия населенных пунктов Амурского и Уссурийского края (Киев, Новокиев, Черниговка, Вятское, Пермское и т. д.) свидетельствуют о происхождении их обитателей.

Аналогично обстояло дело и с Сахалином. Русские первыми открыли его в XVII в., первыми описали и первыми поселились на острове. Спустя сто лет, в 1742 г., его посетил участник второй экспедиции Беринга — мичман Шельтинг. Он обогнул остров с северо-востока и прошел вдоль всего восточного его берега до пролива Лаперуза. Шельтинг был первым европейцем, попавшим на Сахалин с севера и описавшим берега острова. Плававший здесь за сто лет до этого голландец Фриз подошел к Сахалину с юга, не заметил пролива, отделяющего его от острова Иессо, и принял Сахалин за часть Иессо. В середине XVIII в. на Сахалине, видимо, было первое русское поселение. В 1805 г. известный мореплаватель Крузенштерн произвел опись северо-восточных берегов острова и присоединил к России ряд посещенных им пунктов (мыс Терпения, бухту Лососей и др.). В следующие годы (1806—1807) лейтенанты Давыдов и Хво-

[1] Занимавшиеся земледелием гогули, дючеры и дауры жили вверх от Сунгари.

стов осмотрели все восточное побережье острова и заняли его южную оконечность (залив Анива).

Японцы начали посещать регулярно Сахалин — для торговли и рыболовства — не ранее второго десятилетия XIX в.

Наиболее отдаленная окраина Дальнего Востока — Камчатка находилась во владении России со времени первых походов Семена Дежнева (1648), Михаила Старухина (1649) и Владимира Атласова (1696—1701).

Появление иностранных мореплавателей в северных водах Тихого океана относится к концу XVIII в. Первыми были англичане и французы, привлеченные сюда поисками новых торговых путей в восточные страны и слухами о богатствах Дальнего Востока. Стремясь опередить друг друга в географических открытиях и в захвате новых колоний, Англия и Франция снаряжают сюда в конце XVIII в. несколько экспедиций.

Значительно позже, уже в 40-х гг. XIX в., появляются на Дальнем Востоке американцы. Усиленный интерес Америки к Охотско-Камчатскому краю и Приморью объяснялся как стремлением завязать торговые отношения с Японией и Китаем, так и успешной деятельностью американских зверобойных шхун в северо-западной части Тихого океана. Деловые круги США требуют укрепления позиций в этих приморских странах, и в 1852 г. американское правительство снаряжает две большие экспедиции для исследования азиатских побережий Тихого океана.

Дальний Восток накануне Крымской войны

Годы, непосредственно предшествовавшие Крымской войне, характерны громадным ростом активности Англии на Дальнем Востоке.

Успешно закончившаяся англо-китайская война открыла двери Китая для европейской торговли и укрепила позиции Англии на Тихом океане. Обеспокоенная проникновением России на Ближний Восток, Англия опасалась рус-

ского влияния и на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Стремясь к полному подчинению Китая, англичане пытаются изолировать Россию от Тихого океана и полностью вытеснить ее с Востока. Особенно большой интерес проявляет Англия к бассейну Амура и к Камчатке, этим «ключам» к Тихому океану. Англичане внимательно наблюдают за действиями русских в тихоокеанских водах и пользуются малейшим случаем для проникновения на русский Дальний Восток.

Все это происходит в обстановке безразличного отношения правящих кругов царской России к ее тихоокеанским владениям — Приамурью, Сахалину и Камчатке. Одной из многих причин такого отношения было царившее тогда ошибочное, но прочное убеждение в недоступности для плавания устья Амура. Одна и та же ошибка, совершенная крупнейшими авторитетами-мореплавателями: Лаперузом (1787), Броутоном (1789) и Крузенштерном (1805), укрепила во всем мире длительное и глубокое заблуждение, что Сахалин соединен с материком Азии, что устье и лиман Амура недоступны для плавания и с севера и с юга. Отсюда на всех картах того времени неизменно фигурируют полуостров Сахалин и Татарский залив.

Иначе относились к Амурскому вопросу лучшие представители русской общественности первой половины XIX в. Вопросы о необходимости точных исследований пограничных с Китаем районов и особенно Амура — единственной магистрали, соединяющей Сибирь с Тихим океаном, усиленно обсуждались и на страницах либеральной печати и в передовых военно-морских кругах того времени.

Назначенный в то время (1847) генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьев (впоследствии Муравьев-Амурский) прекрасно понимал трудное и невыгодное положение, сложившееся для России на Дальнем Востоке. Прочное основание власти России на Дальнем Востоке требовало, в первую очередь, фактического

закрепления за нею всего Амурского края и Сахалина. Для этого Муравьев считал необходимым ясно определить границы с Китаем и начать плавание по Амуру, а в случае несогласия Китая — «открыть путь по Амуру вооруженной рукой». Опасаясь, что усиленное проникновение Англии на Дальний Восток может привести при отсутствии русской власти на Амуре и в Приморье к захвату их «посторонней державой», Муравьев настаивал на срочном военном укреплении ряда пунктов на Тихом океане.

Эти меры намечались задолго до начала Крымской войны, оправдавшей опасения Муравьева. Поэтому он поддержал смелую инициативу известного капитана-лейтенанта Г. И. Невельского в его самовольном, вопреки «высочайшего повеления», исследовании и занятии устья Амура, Татарского пролива и Сахалина. Экспедиция Невельского на военном транспорте «Байкал» опровергла существовавшее мнение о положении Сахалина и устье Амура и установила действительное направление Хинганского хребта. Сахалин оказался островом, Татарский залив — проливом, а устье и лиман Амура — доступными для плавания. Действительная граница России с Китаем направлялась от верховьев реки Уда не на северо-восток, к Охотскому морю, а на юго-запад, к Японскому морю и Корее, и следовательно весь нижнеамурский и уссурийский бассейны до моря принадлежали, по точному смыслу Нерчинского договора, России. Горсть отважных военных моряков под руководством Невельского разрешила таким образом важнейшую историческую задачу воссоединения с Россией всего Приамурья, Приморья и Сахалина.

Наиболее опасным врагом России на Дальнем Востоке в те годы была Англия, этот будущий организатор коалиции против России в 50-х гг. XIX в. Из официальной переписки конца 40-х гг. видно, что правительство постоянно получало предупреждения об опасности, угрожавшей Сибири в случае появления английских колоний

в низовьях Амура или на Сахалине. Одна из докладных записок указывала, между прочим:

«Ясно, что все будущее благоденствие Восточной Сибири заключается в верном и удобном сообщении с Восточным океаном. В последние годы возникло небезосновательное предположение, что англичане займут устье Амура... Каких тогда потребуется сил и средств от правительства, чтобы Восточная Сибирь не сделалась английскою, когда в устье Амура станет английская крепость, и английские пароходы пойдут по Амуру до Нерчинска и даже до Читы? Что без устья Амура англичане не довершат своего предприятия на Китай, — это естественно...; что восточная оконечность Сибири в последние годы занимает англичан, — это несомненно. Если бы вместо английской крепости стала на устье Амура русская крепость, равно как и в Петропавловском порте в Камчатке, и между ними ходила флотилия... то этими небольшими средствами на вечные времена было бы обеспечено для России владение Сибирью и всеми неисчерпаемыми ее богатствами...»

Другой из официальных документов того же 1849 г. еще яснее отмечал значение для России устья Амура:

«Что для вящшего и подлинного обладания торговлею в Китае англичанам нужно устье Амура и плавание по этой реке — это неоспоримо; если бы Амур не была единственная река, текущая из Сибири в Восточный океан, то мы могли бы еще к предприятиям их быть снисходительнее... но кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, и владеть прочно... Со всею вероятностью можно сказать, что лишь только мы оставим Амур, то или англичане или американцы немедленно завладеют им и уже не будут так вежливы с соседями...»

Англия, как уже указывалось, напряженно следила за действиями русских на Дальнем Востоке, особенно на юге края — в Приамурье, Татарском проливе и Сахалине,

а также и за положением на Камчатке. В конце 40-х гг. в Восточной Сибири систематически появляется английская агентура. Сибирская администрация указывает в своих донесениях, что путешествующие по Сибири англичане усиленно собирают различные сведения о Камчатке, Сахалине и Амуре и о сообщениях этих районов с Восточной Сибирью, что под видом туристов и «невинных ревнителей науки» или «как бы из любезности давая уроки английского языка», англичане втираются во все слои общества и особенно внимательно следят за положением на Амуре. Исчезновение полярной экспедиции Франклина послужило предлогом для появления у северо-восточных берегов Сибири многочисленных английских экспедиций, заходивших при поисках Франклина даже в Татарский пролив (?!). Особенно характерно было появление в России английского офицера Пима, стремившегося попасть в Восточную Сибирь «для поисков Франклина с сухого пути». Настойчивые домогательства Пима не увенчались успехом, и известный адмирал Ф. П. Литке писал по этому поводу Муравьеву: «Пим отправился во-свояси с носом и досадою в сердце. России, и европейской и азиатской, конечно, от него порядком достанется, но это невинное удовольствие можно ему охотно предоставить, оно безвреднее, чем те пакости, которые он мог бы настроить, если бы пробрался к вам. Идея искать Франклина на собаках от устья Колымы до того сумасбродна, что в практической голове англичанина могла она возникнуть только с целью служить ширмою какой-нибудь другой задней мысли менее наивной, но более натуральной».

Одновременно заметно усилилось вытеснение англичанами Российско-Американской компании [1] с китайского

[1] Российско-Американская компания — грандиозное коммерческо-политическое предприятие, получившее в монопольную эксплоатацию все земли на Тихом океане к северу от 55° северной широты и наделенное особыми «привилегиями». Существовала с 1799 г. до продажи Россией Аляски США (1867 г.).

рынка, а равно участились случаи появления английских судов на Камчатке.

Естественно, что в таких условиях Муравьев настойчиво добивался усиления обороноспособности русского Дальнего Востока: увеличения морских сил в тихоокеанских водах, организации постоянного крейсерства, устройства сети военных постов и укреплений на побережьях и т. д.

Камчатка

Обратимся теперь к положению Камчатки, где разыгрались наиболее активные военные действия в годы Крымской войны. Непосредственною ареною этих действий явилась Авачинская губа, главный залив полуострова и один из лучших в мире заливов.

Описывая Камчатку, известный географ Э. Реклю говорит: «Один из этих небольших заливов, находящийся недалеко от южной оконечности Камчатки, есть знаменитая Авачинская губа, одна из бухт, оспаривающая у Рио-де-Жанейро и Сан-Франциско право на звание лучшего порта в мире» (рис. 1).

Авачинская губа — грандиозный овальной формы бассейн с большими, подходящими к самым берегам глубинами.

С океаном Авачинская губа соединена узким проливом — «Воротами», окруженными высокими отвесными скалами.

Извилистые берега Авачинской губы изрезаны многочисленными бухтами, некоторые из них являются, в свою очередь, прекрасными природными гаванями.

Петропавловская (Мало-Авачинская) губа или гавань лежит в северо-восточной части Авачинской губы и отделена от нее с западной стороны полуостровом Сигнальный. Незначительная по величине Петропавловская губа вдается в материк в северном направлении на 0,5 мили. [1]

[1] Здесь и в дальнейшем тексте принята морская миля = $^1/_{60}$ градуса меридиана (т. е. 1 минуте), или 1,852 километра.

Рис. 1. Карта Авачинской губы.

В середине восточного берега Петропавловской губы от него отходит песчано-галечная коса («Кошка»), которая тянется в северо-западном направлении к Сигнальному полуострову. Этим природным молом, Кошкой, Петропавловская губа делится на два рейда или гавани: Внешнюю (южную) и Внутреннюю (северную).

Расположенная к югу от Кошки Внешняя гавань отделена от Авачинской губы Сигнальной горой (южная часть одноименного полуострова) и прикрыта со стороны входа мысом Сигнальный и расположенной напротив, почти на одной параллели, возвышенностью Красный Яр.

Внутренняя гавань («Ковш») отделена от Авачинской губы Никольской горой (северная часть полуострова Сигнальный), а от Внешнего рейда — Кошкою. С Внешним рейдом Ковш сообщается узким, около 120 метров, проходом между оконечностью Кошки и Сигнальной горой. Глубины этого пролива достаточны для прохода самых крупных судов.

Отделяющий Петропавловскую губу от Авачинской Сигнальный полуостров круто вздымается из моря и вытянут с севера на юг почти параллельно берегу материка. Своей северной, более возвышенной оконечностью полуостров соединен с коренным берегом, а южная расширенная часть выступает в море к югу. Длина всего полуострова — около 0,5 мили, ширина, при почти параллельных берегах, около 120 метров. Западный берег его, обращенный к Авачинской губе, идет прямо по меридиану и обрывается в море отвесными скалами; восточный — в сторону материка — спускается в Петропавловскую гавань более пологими склонами.

Полуостров этот образован двумя покрытыми лесом возвышенностями, разделенными небольшим низменным разломом («Седло»): северною — Никольскою горою и южною — Сигнальною горою.

Гора Никольская («Николка») соединяется на севере с низменностью, на которой расположено озеро Култуш-

ное. Между уступами Николки и озером проходит узкая грунтовая дорога, соединяющая Петропавловск с западным побережьем Камчатки (Большерецком) и внутренними районами полуострова (долиною реки Камчатки).

Гора Сигнальная обрывается во все стороны крутыми, покрытыми лесом скалами. На западной и южной стороне скалы эти падают прямо в море, оставляя между ним и подошвой очень узкую полоску, покрытую насыпанным обвалами щебнем. К восточному, обращенному к Внешнему рейду, склону примыкает низменная песчано-галечная площадка, служащая продолжением пристани.

Крайняя юго-восточная часть Сигнального полуострова, где крутые обрывы Сигнальной горы переходят в низменность, называется Сигнальным мысом.

Здесь — в районе Петропавловской гавани и Сигнального полуострова — разыгрались главные бои с англо-французами в августе—сентябре 1854 г.

Главный город и порт области Петропавловск-Камчатский лежит под 158° 30′ восточной долготы и 53° северной широты, на южном, северо-восточном и северном берегах Петропавловской губы (Внутренней гавани). Основан Петропавловск в 1740 г., когда в Петропавловской губе впервые зимовали суда экспедиции Витуса Беринга — пакеботы «св. Павел» и «св. Петр». Первыми жителями Петропавловска были казаки, поселившиеся в городе после 1740 г. Туземное население (ительмены [1]) отсутствовало, так как здесь не было речных рыболовных угодий.

Самая отдаленная колония царской России Камчатка была почти на всем протяжении своей истории наиболее забытой окраиной. Самостоятельного интереса к себе полуостров обычно не возбуждал у правительства. Внимание к нему просыпалось обыкновенно в связи с теми или иными внешне-политическими интересами правящей России, и вспышка эта быстро потухала.

[1] Ительмены — самоназвание камчадалов, древнейшего населения южной и средней части Камчатки.

Камчатка возбуждает к себе интерес в эпоху Петра, характерную первыми исследованиями Сибири и ее приморских районов (плавания Соколова, Евреинова, Лузина и др.). После двух камчатских экспедиций Беринга становится ясной дальнейшая роль полуострова как промежуточного этапа, трамплина для проникновения, с одной стороны, на юг, в Японию, с другой — на север, в Америку. Но главную роль в это время играет еще Охотск. В 1731 г. появляется первый указ об устройстве Охотско-Камчатского края с центром в Охотском порту.

В конце XVIII в. значение Камчатки возрастает. Петропавловск становится главной базой усиливающегося движения русских в Русскую Америку. Уже первые, состоявшиеся еще в XVIII в., плавания на Камчатку (капитана Креницина и лейтенанта Левашева, Биллингса и Сарычева) внесли заметное оживление в жизнь полуострова. Последующие кругосветные плавания выдающихся моряков той эпохи: Крузенштерна и Лисянского (1803—1806), Головнина (1807—1813 и 1817—1819), Коцебу (1815—1818 и 1823—1826), Лазарева (1822—1824), Литке (1826—1829) еще более снизили значение Охотска, остававшегося в стороне от рейсов, и сделали Петропавловскую гавань главным опорным пунктом России в северо-восточных водах.

Сравнительно оживленным периодом на полуострове было первое десятилетие XIX в. После доклада Крузенштерна сенату о положении Камчатки она начинает пользоваться вниманием правительства. Полуостров признается весьма важным для России и в политическом и в коммерческом отношении пунктом Восточного океана. Возможность сосредоточения в незамерзающей Авачинской губе тихоокеанских военно-морских сил и коммерческого флота, значение Петропавловска как основной базы сношений с Китаем, Японией, Северной и Южной Америкой, Филиппинскими и Сандвичевыми островами, перспективы его роста как торгового центра по ввозу и вывозу — все это вызывает некоторые заботы о Кам-

чатке. Но соответственно такому пониманию значения полуострова внимание уделяется только Петропавловску, главным образом в области обеспечения всем необходимым порта и мореплавания. Внутренняя часть полуострова, не говоря уже о других районах края, остается совершенно забытою.

Эта вспышка официального интереса длилась недолго. Война 1812 г. совершенно отвлекла правительство от всего Дальнего Востока. После 1817 г. принимаются, правда, некоторые меры к устройству Петропавловского порта, к развитию на полуострове сельского хозяйства, ремесел и пр.

В операциях Российско-Американской компании Камчатка занимала ничтожное место. Главною ареною деятельности этой компании была Русская Америка. Торговля и промыслы в Камчатском крае, даже на богатых ценною пушниною Командорских островах, были очень незначительны.

С начала 20-х по конец 40-х гг. Камчатка совершенно забыта. Сельское хозяйство, составлявшее предмет наиболее настойчивых забот правительства, не развивалось совершенно. Промыслы населения падали, а само оно нищало и вымирало. Петропавловск, несмотря на некоторый подъем в первом десятилетии, оставался ничтожным городишкой.

Связь с этой окраиной почти отсутствовала: переписка не только с Петербургом, но даже с Иркутском, уездом которого как бы была Камчатка, длилась десятилетиями. Положение полуострова особенно ухудшилось в 40-х гг. в связи с развитием в тихоокеанских водах иностранного китобойного промысла, в условиях полной беззащитности края. Китобои постоянно заходили в территориальные воды и даже в самый Петропавловск, разгоняли караулы, разбирали на дрова постройки выжигали на побережьях леса, истребляли пушных животных, грабили местное население.

Такому общему положению края соответствовала и

крайне низкая обороноспособность его. Образование первых воинских частей на полуострове относится к концу XVIII в. В 1800 г. был сформирован Камчатский полк в составе двух батальонов. В интересах снабжения продовольствием он был организован по образцу ландмилиции, и занятие воинских чинов сельским хозяйством всячески поощрялось. В 1803 г. полк преобразуется в Камчатский батальон в составе пяти рот, одна из которых отправляется в Гижигу. В 1812 г. батальон расформировывается, и организуется флотская рота для обслуживания Петропавловской гавани и казачьи команды для несения полицейской службы. В связи с упразднением областного управления, на командира петропавловской морской роты возлагается управление всей Камчаткой.

В итоге, к концу 40-х гг. правительство держало во всем Охотско-Камчатском крае 500 морских чинов и 200 казаков. Тихоокеанская флотилия состояла из двух транспортов («Байкал» и «Иртыш») и двух ботов («Кадьяк» и «Камчадал»). Суда эти обслуживали снабжение из Охотска немногочисленных административных пунктов края — Петропавловска, Нижне-Камчатска, Большерецка, Тигиля и Гижиги.[1]

Вооруженные силы самого полуострова Камчатки состояли в то время из 100 морских чинов и 100 казаков. Эти 200 человек служили и гарнизоном, и полицейской, и рабочей силой не только для Петропавловска, но и для всего полуострова.

Петропавловск в начале 1854 г., накануне нападения англо-французов, был городком, насчитывавшим 156 деревянных домов и около 1600 жителей. До прибытия подкреплений в городе было 122 человека казаков и команды флотского экипажа. Для защиты порта со сторо-

---

[1] Нижне-Камчатск, Большерецк и Тигиль — старинные русские остроги, первый — на восточном, последние два — на западном побережье полуострова. Гижига — старинное русское селение на одноименной реке, впадающей в Гижигинскую губу Охотского моря.

ны Авачинской губы имелись деревянные брустверы с 10 устарелыми орудиями малого калибра. На трех мысах у Ворот (входа в губу) — Маячном, Бабушкином и Раковом — стояли три маяка, или сигнальные вышки, передававшие друг другу и в порт обо всем замеченном на море.

Значительное оживление наступило на Камчатке в конце 40-х и начале 50-х гг. в связи с общими широкими замыслами Муравьева. Планы Муравьева, единственного высшего администратора, лично побывавшего на Камчатке (1849 г.), предусматривали устройство регулярного сообщения полуострова с Охотским побережьем, разработку в связи с этим угольных месторождений охотских берегов, организацию отечественного китобойного промысла в тихоокеанских водах и значительное развитие хозяйства полуострова, в частности ремесел и сельского хозяйства. Для этого предполагалось на протяжении ближайшего десятилетия переселить на Камчатку три тысячи семей. В конце 40-х гг. изменилось и административное положение края: была организована самостоятельная Камчатская область (1849) во главе с военным губернатором-моряком.

Эти широкие замыслы развития полумертвого края не осуществились. Спустя несколько лет внимание правящих кругов переносится на Приамурье. Камчатская область превращается в округу, порт упраздняется, большинство учреждений ликвидируется.

Реальным результатом этого недолгого периода оживления было некоторое повышение обороноспособности Камчатки ко времени открытия военных действий 1854 г.

Оценивая сложившуюся обстановку, в частности усиленное проникновение Англии на Дальний Восток, Муравьев придавал большое значение Авачинской губе и Петропавловскому порту, которыми очень интересовались англичане. Еще в 1849 г. он писал Л. А. Перовскому, одному из немногих николаевских министров, поддерживавших Муравьева в его дальневосточных начинаниях:

«Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал: Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть ею и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она нам не отдаст и, если б даже заплатила нам миллион фунтов за нее, при заключении мира, то выручит его в самое короткое время от китобойства в Охотском и Беринговом морях; Англия, разумеется, никого не пустит в эти моря беспошлинно».

Позднее Муравьев, говоря об интересах Англии на Дальнем Востоке, указывал, что

«к самым существенным условиям Англии в этом отношении должно принадлежать: овладеть Камчаткою или оставить ее пустынною и господствовать на восточных берегах Китая и Японии и таким образом, так сказать, отрезать Россию от Восточного океана».

В результате личного посещения Петропавловска у Муравьева родились, как это видно из другого его доклада 1850 г., широкие планы организации обороны всего района Авачинской губы. Совершенно не укрепленный порт и город должны были быть перенесены в Тарьинскую губу, очень удобную для устройства большого порта. Тарья могла быть легко связана с проектировавшимися Муравьевым главными батареями, защищающими самый вход в Авачинскую губу (Ворота). Далее, предполагалось соединить Тарью каналом для гребных судов и канонерских лодок с внешнею, находящеюся за Воротами Ягодовою бухтою. Канал этот обеспечивал в случае блокады Ворот возможность выхода из Авачинской губы помимо главного направления атаки. Это полное переустройство обороны требовало, конечно, соответственного усиления военно-морских сил Камчатки. Для укреплений и батарей нужно было, в частности, не менее 300 орудий крупного калибра, преимущественно бомбических.

Будучи на Камчатке, Муравьев принял на месте меры к укреплению Петропавловска. В порту он приказал со-

орудить батареи на выбранных им лично местах. Одною из них была именно та озерная батарея (№ 6),[1] которая, спустя пять лет, удержалась последнею в решающем бою 24 августа (5 сентября). Показывая начальнику Камчатки Машину место для устройства этой батареи, Муравьев сказал: «В случае десанта неприятеля в обход Никольской горы, вы его встретите картечью отсюда».

Весь этот проект обороны Камчатки был разработан до малейших деталей и нанесен на многочисленные планы и карты: «Смею думать, — заканчивал свою записку Муравьев, — что в Камчатке и Охотском море нам должно иметь военные средства, соответственные тем, которые имеют англичане у китайских берегов и Сандвичевых островов».

Вполне понятно, что ограниченным правительством Николая I все эти планы Муравьева были сочтены «мечтою и фантазиею» и приписаны «пылкости его воображения».

Все же еще до образования коалиции и разрыва ее с Россией обороноспособность Камчатки была несколько увеличена. В 1850 г. туда был переведен гарнизон из Охотска, в 1852 и 1853 гг. были отправлены артиллерия и снаряды и посланы для крейсерства в охотских и камчатских водах военные суда: корвет «Наварин» и фрегат «Аврора».

В момент заключения Англией и Францией оборонительного и наступательного союза с Турцией против России, в Петербурге, конечно, никто не думал об обороне Дальнего Востока.

Сам Муравьев необходимым условием обороны Дальнего Востока считал открытие плавания по Амуру и снабжение именно этим путем Приморья, Охотского побережья и Камчатки всеми необходимыми средствами защиты. Выполнение этого кругосветным морским путем

---

[1] Расположение петропавловских батарей см. ниже, стр. 31.

или из Якутска было бы так сложно и медленно, что неприятель предупредил бы русских.

Наиболее важной задачей и в новых военных условиях было, по мнению Муравьева, укрепление устья Амура и Петропавловска. Пункты эти, обладавшие ничтожными силами во время объявления войны, были впоследствии несколько усилены в оборонном отношении.

В июне 1854 г., после 165-летнего перерыва, состоялся первый исторический «сплав» по Амуру. Этим путем было отправлено 350 человек на подкрепление Петропавловска. Вслед туда же был послан корвет «Оливуца»[1] с приказом немедленно укрепить порт и обороняться до последней возможности при нападении англо-французов. Эта уверенность военно-морских кругов в неизбежном летом 1854 г. нападении союзников на Петропавловск объяснялась следующим.

Англо-французы знали о пребывании на Дальнем Востоке русских военных судов (фрегатов «Паллада», «Диана», «Аврора» и корвета «Оливуца») и, опасаясь, что суда эти нанесут большой ущерб их колониям и торговле, сосредоточили на Тихом океане сильную эскадру, превосходившую во много раз силы русских. Отдавая себе отчет во всей трудности, а быть может и невозможности поисков русского флота в океане, неприятель решил не допустить выхода наших судов весною в море и уничтожить их на зимней стоянке. Это намерение союзников подтверждалось и иностранными газетами, полученными весною того же года на Дальнем Востоке. Газеты сообщали, между прочим, что Англией отправлен дополнительно на Восточный океан для преследования русского флота 44-пушечный фрегат «Пайк» и что англо-французской эскадре категорически предписано блокировать наши порты и уничтожить флот.

[1] Корвет «Оливуца» вместе с фрегатами «Паллада», «Диана» и «Аврора» входил в состав так называемой японской флотилии адмирала Путятина, посланного в 1853 г. для переговоров с Японией.

Задача противника сводилась таким образом к определению места стоянки русской эскадры. Таким пунктом, по его мнению, мог быть только Петропавловск с его прекрасной бухтой. Лиман и устье Амура, равно как и приморские бухты, не были еще тогда известны иностранцам. На всех морских картах в Татарском заливе не значилось ни одной гавани, весь берег был сплошь скалистый и недоступный. Сахалин показан был соединенным с материком песчаным перешейком, так что вход в Амурский лиман с юга был невозможен. Северный вход со стороны Охотского моря был прегражден отмелями. Опровергнувшие все эти данные открытия экспедиции Невельского и составленные на их основе новые карты хранились в тайне.

Отсюда-то и вытекала уверенность, что все внимание англо-французов сосредоточится в предстоящей кампании на Петропавловске, единственно возможном, по их убеждению, пункте стоянки нашего флота. У русских же, по этой самой причине, единственным безопасным местом считался лиман Амура, где и были сосредоточены отечественные суда в начале лета 1854 г. Предположения эти полностью подтвердились: во всю навигацию 1854 г. неприятельские суда не показывались ни в Охотском море, ни в Татарском проливе, и первый удар был нанесен Петропавловску.

Подготовка к обороне

Первый военный губернатор Камчатки В. С. Завойко (1850—1855) принялся энергично за устройство порта и города. Сооружены были пристань, больница, торговые и казенные здания. Началась организация местных сообщений — обстановка знаками «собачьих трактов» и строительство каботажного флота. Много внимания уделял Завойко развитию сельского хозяйства, строительству мельниц, кузниц и пр. Но вошел Завойко в отечественную историю не административно-хозяйственной

деятельностью, не оставившей через несколько лет никакого следа, а непосредственным руководством героической обороны Петропавловска.

Первые сведения о вероятном разрыве России с Англией и Францией дошли до Петропавловска в конце февраля 1854 г. Спустя более месяца Завойко получил уведомление короля Сандвичевых островов Камегамега III о предполагающемся летом того же года нападении англо-французов на Петропавловск. Наконец, 17 июня [1] американский купеческий бриг «Нобль» доставил официальное сообщение генерального консула России в США об объявлении войны и приказ правительства о приведении в оборонительное состояние отечественных портов на Тихом океане.

Немедленно началась спешная подготовка к обороне. Необходимо было не только соорудить новые укрепления, но и произвести военную подготовку большинства гарнизона.

Военная сила Петропавловска состояла в это время из 125 человек команды 47-го флотского экипажа, казаков, писарей, денщиков, давно разучившихся военному делу. Вскоре подошло пополнение, отправленное Муравьевым из Де-Кастри на военных транспортах «Иртыш» и «Двина». Подкрепление состояло из 350 солдат линейного сибирского батальона, в большинстве своем рекрутов, не только не бывавших в бою, но и не обученных обращению с каким бы то ни было оружием. Общего количества защитников, около 475 человек, было недостаточно даже для действий при орудиях, и при них были размещены писаря морского ведомства, наспех обученные обращению с пушками и ручным оружием. Для прикрытия артиллерии и для отражения возможного десанта людей не было.

Эти ничтожные силы Петропавловска увеличились

---

[1] Все даты даны по старому стилю.

благодаря случайному приходу туда 19 июня фрегата «Аврора».

Крейсировавший в Тихом океане фрегат «Аврора» пришел 3 апреля в гавань Каллао (Перу) и намеревался после двухнедельной стоянки итти на Сандвичевы острова. В Каллао стояла в это время часть франко-английской эскадры — фрегаты «Президент» и «Лафорт», другая ее часть находилась на Сандвичевых островах и готовилась в поисках русских судов к отплытию в Петропавловск. Об официальном объявлении войны еще не было известно, но слухи о разрыве с Францией и Англией достигли уже и наших и неприятельских судов. Командир «Авроры» решил поэтому ускорить свой уход из Каллао и присоединиться к тихоокеанской эскадре Путятина. Английский контр-адмирал Прайс хотел воспрепятствовать уходу «Авроры», но французское командование не согласилось на такое нарушение международного права. Фрегат наш тем не менее находился все время в опасности.

14 апреля, спустя месяц после объявления войны в Европе, «Авроре» удалось в виду неприятельских судов покинуть берега Перу.

Между тем английский военный пароход «Вираго», специально отправленный в Панаму, ждал там официальной депеши об объявлении войны. Получив ее, «Вираго» доставил это известие в Каллао 25 апреля, спустя 11 дней после ухода «Авроры».

Плавание «Авроры» было чрезвычайно тяжелым. Сильные повреждения судна штормами и повальное заболевание экипажа цынгой вынудили командира изменить направление и отправиться в Петропавловск. Фрегат и прибыл туда 19 июня, сделав в течение 66-суточного плавания, без захода в порты, около 9 тысяч миль.

Оборона порта требовала мобилизации всех сил города. Завойко обратился поэтому 20 июня к жителям Петропавловска с воззванием, заканчивавшимся следующими словами:

«. . . Война может возгореться и в этих местах, ибо русские порты Восточного океана объявлены в осадном положении. Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля. Я надеюсь, что жители в случае нападения неприятеля не будут оставаться праздными зрителями боя и будут готовы с бодростью, не щадя жизни, противостоять неприятелю и наносить ему возможный вред. Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови; убежден, что флаг Петропавловского порта, во всяком случае, будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Призыв к обороне был встречен с большим подъемом и воодушевлением. Все население города и «камчадалы» [1] соседних селений единодушно решили участвовать в защите Петропавловска. В конце месяца был сформирован особый отряд из добровольцев, остальные жители были привлечены к работам по укреплению города.

На протяжении конца июня, всего июля, до самого дня появления неприятеля (17 августа), круглые сутки, при поголовном участии всего гражданского населения, шли работы по сооружению батарей, выгрузке орудий со стоявших в порту судов («Двины» и «Авроры»), накатыванию (подъему) орудий на батареи и пр. Вся местная обстановка Петропавловска — недостаточность и неподготовленность рабочей силы, отсутствие каких-либо технических приспособлений и самых необходимых материалов, крутизна и недоступность избранных для размещения батарей пунктов, трудность строительства на каменном грунте и т. д. — делала работы эти исключительно тяжелыми. При крайней ограниченности средств порта нехватало даже необходимых лесоматериалов.

[1] «Камчадалами» часто неправильно называют старожильческое русское население Камчатки и метисов — смешавшихся с русскими потомков ительменов.

В результате некоторые батареи остались совершенно без платформ для орудий, а для устройства одной из платформ батареи № 3 была употреблена небольшая площадка с «Авроры», служившая накладкой на шпиль при установке пелькомпаса. Несмотря на все напряжение, нехватило времени для сооружения на некоторых батареях брустверов, и батареи эти остались совершенно открытыми. Уже сама по себе эта, исполненная в два месяца, работа по приведению Петропавловска в обороноспособное состояние являлась в местных условиях героическою.

В итоге к моменту прихода неприятельской эскадры были сооружены следующие батареи (рис. 2 на 31 стр.).

Батарея № 1 — на Сигнальном мысе, на высоте 70 футов. Защищала вход во Внешнюю гавань с левой стороны. Вооружена тремя 36-фунтовыми пушками и двумя бомбическими 2-пудовыми. Команда — 63 человека.

Батарея № 2 — на Кошке, у ее основания около материка. Защищала вместе со следующей батареей (№ 3) вход во Внутреннюю гавань (Ковш) с правой стороны. Хотя батарея эта сильно выдавалась вперед, неприятель мог достигнуть ее только продвинувшись за батарею № 1. Защищена прочным бруствером, законченным перед самым приходом врага. Вооружена десятью 36-фунтовыми пушками и одной длинной 24-фунтовой, снятой с «Авроры». Команда — 127 человек. Сильнейшее из всех петропавловских укреплений.

Батарея № 3 — на перешейке (Седле) Сигнального полуострова, между горами Сигнальной и Николкой. Самая важная из всех батарей: защищала вход в Ковш с левой стороны и город, лежащие непосредственно за нею. Батарея эта была настолько открыта, что, по словам одного из участников боя, «у прислуги на ней были закрыты одни лишь пятки». Вооружена пятью 24-фунтовыми орудиями с «Авроры». Команда — 51 человек.

Батарея № 4 — на уступе возвышенности Красный Яр, к югу от батареи № 2 и ближе к выходу в Авачинскую губу. Защищала вход во Внешнюю гавань с правой

стороны. Вооружена тремя длинными 24-фунтовыми орудиями с «Авроры». Команда — 28 человек.

Батарея № 6 — на берегу Култушного озера, к северу от горы Николки. Предназначалась только для действия по десанту в случае движения его в обход Николки, по дороге в город. Вооружена пятью короткими 18-фунтовыми пушками с «Двины». Команда — 31 человек.

Батарея № 7 — на низменном побережье Авачинской губы, к северо-западу от Николки. Предназначалась также для действий против десанта. Вооружена шестью 24-фунтовыми пушками с «Авроры». Платформы для орудий отсутствовали, и батарея не могла действовать исправно. Команда — 49 человек.

Размещение батарей было таково, что вход в Петропавловскую губу (Внешнюю гавань) защищало 19 орудий (батареи №№ 1, 2 и 4), перешеек — 5 орудий (батарея № 3) и северные подступы к городу — 11 орудий (батареи №№ 6 и 7). Обеспеченность боеприпасами была очень низка: на каждое орудие приходилось всего по 27 картузов.

На правом берегу Внутренней гавани, против Седла, была сооружена еще одна батарея — № 5 с пятью старыми медными орудиями, но для нее нехватало команды, и она бездействовала. Помимо батарей защита располагала еще одним полевым орудием с командою в 19 человек.

Находившиеся в порту суда были размещены в Ковше следующим образом. Фрегат «Аврора» поставлен лагом ко входу в гавань, под защитою Сигнальной горы. У фрегата было полное вооружение (22 орудия) лишь с левого, обращенного ко входу борта, 284 человека экипажа и по 60 картузов боеприпасов на орудие. Транспорт «Двина», также с половинной вооруженностью (5 коротких 18-фунтовых орудий), стоял лагом ко входу, под прикрытием Кошки, в одной линии с «Авророй». Команды было 65 человек, боеприпасов — картузов

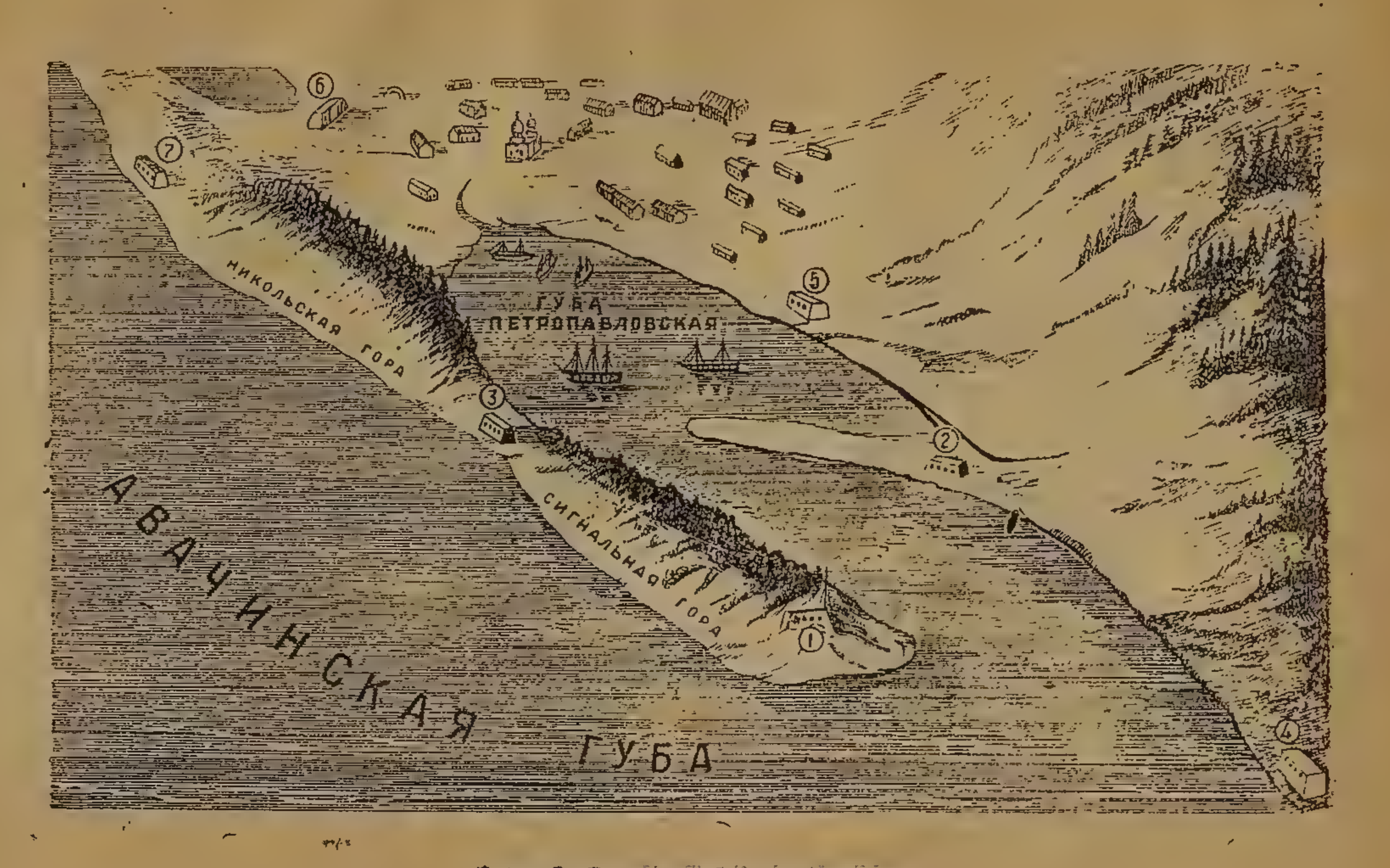

Рис. 2. Расположение батарей

по 30 на орудие. Остальные орудия с судов были сняты на береговые батареи.

Суда должны были в случае прорыва неприятеля во Внешний рейд защищать в упор Внутреннюю гавань и город, а при невозможности — взорваться. Команда в этом последнем случае присоединялась к береговой обороне.

Вся артиллерийская вооруженность Петропавловска состояла таким образом из 63 орудий: 35 на береговых батареях, 1 полевого и 27 на судах.

Защитников в момент появления неприятеля было 879 человек, из них 349 находилось на судах и 368 на береговых батареях и при полевом орудии. Остальные были распределены по двум стрелковым отрядам (в 50 и 49 человек) и на тушение пожаров от ожидаемой бомбардировки города.

Появление англо-французов и первый бой

На рассвете 17 августа с маяков в Петропавловск был подан сигнал: «В море вижу неизвестную эскадру из шести судов». Немедленно ударили тревогу, и все защитники заняли назначенные им места. На «Авроре» оставалось к этому времени еще 60 больных. По первому сигналу тревоги все они явились на места по боевому расписанию.

Неприятельская эскадра оставалась еще сутки в открытом море, на траверзе входа в Авачинскую губу, а одно судно было отправлено на разведку. В пятом часу утра в губу вошел большой трехмачтовый пароход под американским флагом. Он остановился милях в трех от Сигнального мыса и начал производить промеры. Из гавани был послан бот для обычного осмотра судна, но последнее, завидя бот, ушло полным ходом в Ворота. Этим эпизодом и закончился первый день обороны. Появлявшийся пароход принадлежал, конечно, к крейсиро-

вавшей на море эскадре и оказался английским. Живущие в Петропавловске американцы были немало возмущены этим злоупотреблением их национальным флагом. Французский адмирал Гайль подтвердил впоследствии в печати, что рекогносцировку под чужим флагом производил сам английский адмирал Прайс, желавший с максимальной безопасностью проникнуть возможно ближе к Петропавловску.

Такое пользование чужим флагом наблюдалось неоднократно в английском тихоокеанском флоте. Так еще в 1851 г., когда уже стало заметно увеличение этого флота, в Петропавловск пришел сильно вооруженный люгер под флагом США. Документы судна оказались не в порядке, и была назначена комиссия для его осмотра. Как только комиссия приступила к работе, на судне был поднят новый, уже английский флаг. К портовым властям явился с законными английскими документами некий Стротен и заявил, что капитаном является он, а не американец Геджес, первоначально выдававший себя за капитана и оказавшийся простым пассажиром.

18 августа, рано утром, вся союзная эскадра вошла в Авачинскую губу. Авроровцы скоро узнали знакомые им по американским портам суда: французские — фрегат «Лафорт» (60 орудий, 500 человек экипажа), корвет «Эвридика» (32 орудия, 230 человек команды) и бриг «Облигадо» (20 орудий, 120 человек команды); английские — фрегат «Президент» (52 орудия), корвет «Амфитрит» (24 орудия) и 300-сильный пароход «Вираго» (66 орудий). Вскоре к эскадре присоединился английский фрегат «Пайк», вооруженный 44 орудиями. Всего англо-французская эскадра располагала 298 орудиями. Эскадра союзников возглавлялась двумя контр-адмиралами — английским Прайсом (фрегат «Президент») и французским Феврие де Пуантом (фрегат «Лафорт»).

Подняв контр-адмиральские флаги, эскадра направилась к Седлу. Как только она поравнялась с Сигнальным мысом, батарея № 1 дала первый выстрел. Неприятель

ответил несколькими ядрами, и тогда открыли огонь все три передовые батареи (№№ 1, 2 и 4). Попадание в неприятельские суда наблюдалось преимущественно с батареи № 1. Убедившись, что ей будет оказано сопротивление, эскадра пересекла Авачинскую губу и стала на якорь в Тарье.

Утром 19 августа неприятельские фрегаты и пароход возобновили обстрел через Седло. Бомбы врага весили 86 английских фунтов (более 2 пудов), но не причинили нам никакого вреда. Наши батареи молчали, так как неприятель стоял вне выстрелов. Затем все прекратилось. эскадра отошла и стала на якорь.

В этот день союзники взяли первый и единственный «трофей»: портовый плашкоут, перевозивший кирпичи из Тарьинской губы в Петропавловск. Семь вооруженных неприятельских катеров, по бокам и сзади плашкоута, буксировали с триумфом свою добычу.

Первый крупный бой произошел на следующий день, 20 августа. Наблюдавшееся с раннего утра большое оживление у неприятеля служило признаком готовящегося нападения. Командование обороны, предусматривая возможность десанта на передовые укрепления, защищавшие вход в Петропавловскую губу, произвело необходимую подготовку в районе батарей №№ 1, 2 и 4. В кустах на высотах горы Петровка, между батареями №№ 2 и 4, был размещен отряд стрелков и волонтеров, всего около 100 человек, а на Сигнальном мысе — другой. Отрядам было приказано в случае высадки неприятеля не тратить времени на стрельбу, а гнать десант штыками.

Около 8 часов утра английский пароход «Вираго» взял на буксир три фрегата: два — с боков, третий — сзади, и пошел медленно к Сигнальному мысу, где на батарее № 1 развевался наш крепостной флаг. Команда батареи запела песни; загремело громкое «ура», дружно подхваченное всеми батареями, отрядами и судами. Пароход отдал буксиры, фрегаты выстроились в одну линию, и ровно в 8 часов началось сражение. Неприя

тельские суда стояли таким образом, что были вне пределов досягаемости для орудий «Авроры», «Двины» и батареи № 3 (Седла). Ядра батареи № 2 (Кошки) еле долетали до англо-французов. Всю тяжесть боя приняли поэтому на себя передовые батареи № 1 (Сигнального мыса) и № 4 (Красного Яра), преграждавшие врагу вход в гавань.

Полтора часа длился этот неравный бой восьми устарелых орудий двух совершенно открытых батарей против 111 орудий трех фрегатов и парохода, в том числе многочисленных мортирных и бомбических орудий. Англо-французы стремились взять количеством, а не качеством обстрела. Они обрушились на батареи лавиною бомб и ядер, но стреляли плохо, большей частью наудачу, а не по намеченной цели. Наши батареи действовали не торопясь, с расчетом и метко. При крайне ограниченном запасе снарядов (у батареи № 1 было всего 36 снаряженных бомб), ни один из них не пропадал даром, но превосходство артиллерии неприятеля заставило в конце концов умолкнуть наши батареи.

Главный удар вынесла батарея № 1, но она же причинила и больше всего вреда неприятелю. Под массою ядер батарея эта почти совершенно вышла из строя. Платформы были засыпаны землею выше колес, станки подбиты, повертывать орудия было невозможно. Помимо снарядов противника, на защитников обрушивались громадные каменья со скалистого утеса, находившегося в тылу батареи. Команда проявляла изумительную стойкость, хотя с каждой минутой ухудшалось ее положение и уменьшались ее ряды. Командир батареи, лейтенант Гаврилов, раненный в голову и ногу, не оставлял своего поста. Еле держась на ногах, он все время отдавал боевые приказы и ободрял свою команду.

Сосредоточив всю силу огня на батарее № 1, неприятель одновременно готовил десант на последний подступ к Внешнему рейду — батарею № 4 (Красный Яр). Совершенно открытая и слабо вооруженная батарея эта не

могла оказать сопротивления превосходным силам союзников, и при этих условиях создавалась непосредственная угроза для Внутренней гавани и самого города.

Завойко, наблюдавший общий ход боя с Сигнальной горы и видевший безнадежное положение батареи № 1, принял срочные меры к усилению как батареи № 4, так и батареи № 2, защищавшей вход в Ковш. Орудия полуразрушенной батареи № 1 были заклепаны, остаток снарядов сдан на батарею № 2, а команда отправлена на батарею № 4. На батареях № 3 (Седло), 6 и 7 (северных), не участвовавших в деле, было оставлено при орудиях по два человека. Остальные должны были быть брошены на неприятеля в случае, если он, захватив четвертую батарею, двинулся бы на последнюю батарею № 2 (Кошка) или в город. Вторая батарея, кроме того, была усилена стрелковым отрядом (около 100 человек) и посланными с «Авроры» 32 матросами.

Разгромив батарею на Сигнальном мысе, неприятель усилил обстрел батареи № 4 и отправил к отлогому берегу Красного Яра, несколько южнее батареи, десант на 13 гребных судах и 2 ботах. 28 защитников батареи, видя полную невозможность удержаться против 600 человек десанта, заклепали орудия, спрятали боеприпасы и скрылись в ближайших кустах, по направлению к батарее на Кошке.

Неприятель высадился, достиг батареи № 4 и с ликованием водрузил французское знамя. «Аврора» и «Двина» начали меткий обстрел десанта, посеявший среди него панику. Тем временем посланные для отражения неприятеля отряды «камчадалов» и матросов спешили изо всех сил к месту высадки. Не имея времени для обходного движения, они бежали около километра прямо по берегу, под сильнейшим огнем 66 англо-французских орудий. Стрелки, наконец, соединились с засевшею в кустах командою батареи № 4. Вчетверо слабейшая горсть храбрецов с криком «ура» дружно бросилась на противника. Победный крик был поддер-

жан всем гарнизоном, наблюдавшим, как неприятель, не приняв боя, бежал стремглав к шлюпкам. Между тем удачные выстрелы фрегата «Аврора» отогнали английский пароход, начавший бомбардировать город.

Финал боя 20 августа разыгрался на Кошке. Заставив умолкнуть передовые батареи (№№ 1 и 4), неприятельские суда — три фрегата и пароход — направили все свои усилия на последнее препятствие — батарею № 2. Батарея эта защищала Внутреннюю гавань и прикрывала «Аврору» и «Двину». Подойдя на возможно близкое расстояние, неприятель открыл сильнейший огонь из своих 111 орудий, на который батарея отвечала 11 орудиями. Отечественные суда не могли помочь батарее, так как англо-французская эскадра была прикрыта от них Сигнальной горой. Но несмотря на огромное неравенство сил, батарея № 2 героически отразила нападение. Экономя снаряды, защитники батареи не отвечали на дальние выстрелы неприятеля, но при каждой попытке его продвинуться ближе они открывали учащенный огонь. Весь состав батареи отличался исключительным хладнокровием. Вскоре после начала боя на батарее вышел весь порох, тогда матросы на катере под сплошным неприятельским огнем доставили с «Авроры» новый запас пороха. Вот как описывал действия батареи один из участников ее защиты:

«Когда неприятель действовал бомбическими орудиями на дальнем расстоянии, наша батарея была молчалива и спокойна, временами острое словцо возбуждало смех. Максутов не горячился, не тратил даром пороха; но когда раздосадованный неприятель подтягивался ближе, раздавался громкий голос Максутова: «вторая!.. третья!..» Взвивался дымок и можно было быть уверенным, что ядро не пролетало мимо неприятеля. Временами с батареи проносили окровавленные носилки, и гарнизон провожал их грустными взглядами. Надолго останется в памяти у бывших свидетелей боя картинное и прекрасное действие батареи № 2.

Команда батареи отличалась исключительным хладнокровием: когда обстрел неприятеля ослабевал, мальчики-кантонисты, подававшие картузы к орудиям, начинали детские игры. Одному из них, 14-летнему Матвею Хромовскому, оторвало руку, и доктор тут же оперировал мальчика, который перенес операцию без единого стона. . .»

Все усилия англо-французов заставить замолчать батарею не увенчались успехом. Засыпанная неприятельскими снарядами, она выдержала 9-часовой бой и вынудила врага в седьмом часу вечера отойти на прежние якорные стоянки.

На другой день, при восстановлении батареи № 2, на ней было найдено 182 неприятельских ядра. Как сообщали французские источники, один только фрегат «Лафорт» дал в этот день 869 выстрелов.

Во время боя английский пароход пытался неоднократно под прикрытием образовавшейся от длительного обстрела дымовой завесы форсировать проход в гавань. Выскочив из-за Сигнальной горы около полудня, он был встречен метким огнем наших судов и батареи № 2 и быстро отошел задним ходом. Вторично пароход попытался проскользнуть в Ковш уже под вечер. И тут он должен был вернуться вспять под дружный смех авровцев, открывших батальный огонь. Сделано было несколько попыток десанта на противоположную, западную, сторону Сигнальной горы. Во время боя фрегатов и парохода с батареей № 2 корвет «Евридика» и бриг «Облигадо» подходили к Седлу для прикрытия нескольких шлюпок с десантом. Их встретил огонь батареи № 3. Первые ядра попали в корвет, следующие потопили одну из шлюпок с людьми и прогнали остальные.

Наши потери в этом первом победном бою составили 6 убитых (в том числе командир батареи № 1 — лейтенант Гаврилов) и 13 раненых. Потери неприятеля были неизвестны. Часть убитых и раненых он, видимо, успел подобрать. Суда получили сильные повреждения,

Наши орудия били прямо в корпус, и в подзорные трубы было заметно много пробоин. По французским известиям, один только фрегат «Пайк» получил по четыре ядра в подводную и надводную часть. Раздававшийся в течение последующих дней непрерывный шум от ремонтных работ свидетельствовал, во всяком случае, о больших повреждениях судов. Фрегат «Лафорт» чинил корпус, пароход «Вираго» — левый борт. Особенно сильно пострадали суда, пытавшиеся форсировать вход в гавань. В Петропавловске весь вечер и всю ночь шли энергичные работы по восстановлению разрушенных передовых батарей (№№ 1, 2 и 4). Батареи пополнили команду и запас боеприпасов и были опять готовы к встрече врага.

Разгром неприятеля

Следующие три дня (21—23 августа) прошли совершенно спокойно. 21 августа французским адмиральским судном были возвращены в Петропавловск гражданские военнопленные, взятые на плашкоуте. Неприятель усиленно ремонтировал суда и готовился к новой атаке. Русские использовали эту неожиданную передышку для окончательной подготовки к будущим боям.

Среди англо-французского командования в это время шли большие споры о виновниках поражения. Французы резко обвиняли англичан в пассивности, нерешительности и даже предательстве. Неудача нападения со стороны входа в Петропавловскую гавань заставила неприятеля искать другое направление. Военный совет, состоявшийся 23 августа на фрегате «Лафорт», решил атаковать Петропавловск с внешней, северо-западной, стороны. Решение это было, видимо, подсказано захваченными в Тарье беглыми матросами с американского китобоя, сообщившими, как передавала иностранная печать, «весьма важные подробности касательно местности Петропавловска». Речь шла, очевидно, о существовании

северного прохода в город между уступами Никольской горы и Култушным озером. Противник рассчитывал, как это показали события следующего дня, именно здесь прорваться в Петропавловск.

С находившейся на Седле батареи № 3 наблюдали вечером 23 августа сильное оживление в неприятельской эскадре. Производились новые промеры, непрерывно сновали шлюпки к адмиральским судам, часто раздавалось громкое «vivat». [1]

В туманное утро 24 августа, в пятом часу, Петропавловская гауптвахта ударила тревогу. Неприятель готовил для десанта многочисленные боты, баркасы и шлюпки. Защитники поняли, что близок решительный бой. На наших батареях, судах и в отрядах наблюдался громадный подъем. Приветствия Завойко бойцам при его обходе укреплений встречали всюду один ответ: «Умрем, а не сдадимся».

В шестом часу туман рассеялся, и начались военные действия. Английский пароход взял с боков по фрегату и направился к Сигнальному полуострову. Французский фрегат стал на якорь против батареи № 3 (Седло), английский — в двух кабельтовых от батареи № 7 (к северу от Никольской горы), пароход прошел несколько дальше.

Шансы наступавшего боя были очень неравны. Против 5 орудий батареи № 3, совершенно открытой и находившейся на низменности, действовало 30 орудий фрегата «Лафорт». Несколько севернее, у озера, 26 орудий «Президента» и 33 бомбических орудия «Вираго» громили батарею № 7, которая по своему расположению могла действовать только тремя 24-фунтовыми пушками.

Бой открыла батарея № 3. Английский фрегат, еще будучи на буксире, ответил батальным огнем, целым бортом. Батарея продолжала быстрый и меткий огонь. Одним из первых ядер был сбит гафель, и упал англий-

---

[1] „Vivat" — да здравствует, равнозначаще нашему „ура".

ский флаг, выловленный позже из воды нашими матросами. Фрегат надеялся немедленно уничтожить батарею и стоял очень близко от нее. Выстрелы батареи попадали благодаря этому без промаха.

Английский фрегат прошел севернее, к батарее № 7, а оставшийся на месте «Лафорт» открыл жесточайший огонь по перешейку. Орудия батареи № 3 действовали вначале очень успешно против французского фрегата. Каждое ядро попадало в корпус или в оснастку судна. Но спустя полчаса положение резко изменилось. Градом неприятельских бомб батарея была совершенно разрушена. Перешеек весь был изрыт ядрами. Из пяти пушек уцелела лишь одна, остальные были приведены в полную негодность. Станки подбиты, платформы засыпаны землей и обломками, у одного орудия оторвано дуло. Осыпаемая ядрами команда лишилась более половины своего состава убитыми и ранеными, уцелевшее единственное орудие продолжало, однако, гибельный обстрел неприятеля. Пользуясь тяжелым состоянием батареи, англо-французы начали десант. К берегу направился большой французский катер. Командир батареи лейтенант Максутов 2-й бросился к последнему орудию, навел его, и меткое ядро пустило ко дну неприятельский катер. Фрегат ответил залпом с целого борта, ураган снарядов обрушился на батарею, вся она была в дыму и в обломках. Максутов опять зарядил орудие, но упал с оторванной неприятельским ядром рукой. Залп следовал за залпом, было подбито последнее орудие и начался десант.

Вражеская французская пресса высоко оценила исключительные действия батареи № 3, которая, несмотря на сбитые четыре орудия, усилила огонь по фрегату и «с таким искусством, что ядра осыпали фрегат, летали над ним со свистом и одно попало в грот-мачту, в 15 футах от палубы, другое в самую середину фок-мачты».

В это время на другом подступе, к северу от Никольской горы, английские фрегат и пароход громили

батарею № 7. Защищенная земляным валом, батарея эта держалась значительно дольше, чем батарея № 3, и причинила большой ущерб неприятелю. Но, наконец, и ее орудия были сбиты и завалены землею и фашинником. Командир батареи капитан-лейтенант Кораллов был ранен в голову. Команда батареи присоединилась к стрелковым отрядам.

Сбив последнее береговое укрепление, неприятель производит десант и в этом месте. Под прикрытием фрегата и парохода, открывших огонь через головы своих по Никольской горе и побережью, 23 гребных судна и 2 бота свозят 300 человек. За ними следует на шлюпке французский контр-адмирал.

Высадившийся в районе батареи № 7 десант разделился на три отряда и повел наступление. Два отряда отправились на соединение с частями неприятеля, высадившимися на перешейке, для совместного занятия Никольской горы. Третий отряд под командой английского лейтенанта Паркера пошел в обход той же горы к Петропавловску. Создалась таким образом прямая угроза вторжения неприятеля в город. Отряд противника, шедший севернее Внутренней гавани по узкой дороге между Култушным озером и Никольской горой, неожиданно натолкнулся на батарею № 6 и присланное сюда для подкрепления полевое орудие. Две попытки захватить батарею были отражены сильнейшим картечным огнем, скосившим большинство наступавших. Неприятель отступил и, унося с собою убитых и раненых, бросился на соединение с другими своими отрядами, занимавшими тем временем Никольскую гору.

Видя, что озерной батарее (№ 6) не грозит непосредственной опасности, командование бросает все свободные силы на оборону Николки, в помощь находившимся там 16 стрелкам. Туда отправляются два стрелковых отряда по 30 человек. Одновременно дан приказ «Авроре» послать на сопку максимально возможное количество людей. Всем этим отрядам дан категорический приказ

не допустить занятия неприятелем гребня горы, а если бы это не удалось, сбросить его штыком в море.

В это время часть высадившегося у батареи № 7 десанта успела уже занять гребень горы и спускалась с восточного ее склона. Другая часть десанта вошла в связь с отрядом неприятеля, высадившимся на Седле (батарея № 3). Англо-французы открыли сильный ружейный огонь по «Авроре» и «Двине».

Отправленные для отражения десанта два стрелковых отряда соединились с авроровцами, командами батарей № 3 и 7 и другими малочисленными группами волонтеров, устремившихся со всех сторон на гору. Всего на врага бросилось 204 человека. Цепляясь за кустарники, они взбирались по отвесной крутизне под сплошным ружейным и гранатным огнем засевшего на высотах противника.

Скоро наши бросились в штыки. Ружейная пальба почти смолкла, и на всем протяжении гребня разгорелась кровавая рукопашная схватка. Русские бойцы действовали штыками, прикладами, ножами, чем попало. Жители Петропавловска, наблюдавшие эту решительную схватку, видели смешавшиеся в яркой зелени сопки красные мундиры англичан, синие и красные рубахи французских и русских матросов.

Несмотря на подавляющее превосходство, враг держался недолго. Скоро он дрогнул и в панике ринулся вниз. Толпы англичан и французов кубарем бросались с крутых на вершине и совершенно отвесных внизу утесов прямо в море. Многие разбивались о скалы и гибли на месте. Другие были сброшены нашими штыками. Заметив бедственное положение десанта, неприятельские суда приблизились к берегу и начали обстрел наших отрядов. Благодаря выгодной позиции — в сплошных кустах, на высотах сопки — защитники не понесли потерь. Засевшие в обрывах отряды обстреливали непрерывным огнем сплоченные группы врагов при посадке их на шлюпки и в море. Отовсюду неслись стоны, убитые и

раненые падали в море, одни бросались в воду и шли по горло в воде, другие стремились вплавь достичь своих судов. Попавшие в шлюпки поднимали кверху руки, прося пощады. Нашли свое спасение немногие.

Отступление с северной стороны сопки было также беспорядочно, но с меньшими потерями. Неприятель отступил к шлюпкам, унося убитых и раненых.

Отдельные, отличавшиеся исключительным героизмом эпизоды боя на сопке запечатлены в воспоминаниях участников обороны. Вместе с другими впервые был отправлен в дело рекрут 47-го флотского экипажа, невзрачный, маленький Сунцов. Когда наши ползком добирались до неприятеля, Сунцов попросил боцмана показать ему неприятельского офицера, а затем выскочил вперед и под пулями противника заколол офицера. Это был командир северного десанта лейтенант Паркер, одна из первых потерь неприятеля.

Один молодой авроровец, участвовавший в бою, происходившем на крутом склоне сопки, уронил ружье, скатившееся под гору. Это заставило его отстать от товарищей. Спускаясь за ружьем по скалам и держась обеими руками за кусты, он неожиданно столкнулся лицом к лицу с двумя англичанами. Первую секунду безоружный матрос растерялся. Затем, решив, что лучше умереть, чем попасть в плен, он прыгнул на врагов, схватил их за шею и покатился с ними по откосу. На его громкий крик о помощи из-за кустов выскочил 15-летний немой «камчадал», ловко заколол англичан и освободил матроса. Сцену эту видели подоспевшие стрелки, доложили о случившемся, и вечером авроровец получил одновременно выговор за потерю ружья и награду за храбрость.

Немало смертельных пуль выпустили в этом деле «камчадалы», заранее засевшие на высотах. Прекрасные охотники, рассчитывающие каждый выстрел, они отличились в этом бою исключительной ловкостью, находчивостью и меткой стрельбой,

Из документов, найденных при убитом лейтенанте Паркере, выяснилось, что англо-французы категорически решили овладеть в этот день Петропавловском и бросили в бой 926 человек. Находившаяся среди этих документов специальная инструкция содержала крайне характерные подробности об организации английского десантного отряда. Предусмотрительные англичане снабдили десант решительно всем необходимым, по их мнению, для этой операции — различными инструментами для разрушения батарей, гвоздями для заклепки орудий, спальными принадлежностями для отряда и... металлическими кандалами для будущих пленных. Инструкция по этому поводу гласила: «не забыть взять с собою несколько пар кандалов и помнить, что они часто совершенно необходимы». Небольшая, но характерная деталь, рисующая отношение англичан в ту (ту ли только?!) эпоху к своим противникам, которые заранее обрекались на положение колониальных рабов. События следующего 1855 г. покажут нам, как применялась эта «необходимая принадлежность» английских военных операций.

Сражение кончилось в полдень полным разгромом англо-французов. Неприятельская эскадра, приняв жалкие остатки десанта, спешно вышла из-под обстрела и вернулась в Тарьинскую губу. В час дня в гавани ударили отбой, и громогласное «ура» возвестило о благополучном окончании второго и последнего нападения на Петропавловск. Началось выяснение потерь и трофеев, приведение в порядок города, восстановление разрушенных батарей.

Известный исследователь Камчатки К. Дитмар, пробывший там с 1851 по 1855 г. и возвратившийся в Петропавловск вскоре после налета англо-французов, так описывает свои впечатления:

«Батареи, снова приведенные в полный порядок, в состоянии были выдержать новое нападение. Могилы были уже украшены и даже неприятельская со-

держалась в почете. Поле битвы на Никольской горе представляло теперь картину полнейшего опустошения. Хотя здесь, само собой понятно, не валялось уже ни одного трупа и многочисленное оружие всяких родов уже давно убрали, однако еще ясно можно было видеть следы разорения. Трава была вытоптана, с деревьев сорваны ветви, кусты поломаны, кругом валялись пестрые лоскутья обмундирования и патронов. Целый день после битвы вокруг горы летали вороны, желая насытиться в лужах крови. . .»

Потери русских в этом бою составили 64 раненых и 32 убитых. При осмотре батареи № 3 было найдено около 200 неприятельских ядер. Сравнительно небольшие повреждения получили «Аврора» и «Двина». В городе было повреждено 16 зданий и сожжен рыбный сарай около озера.

В числе наших трофеев было много ружей, 7 офицерских сабель и английское знамя. На гюйсе было нашито изображение земного шара, сверху герб Англии — леопард, под ним корона и надпись «Гибралтар». Земной шар обвит с боков лаврами, внизу надпись «Per mare, per terram».[1]

Английскому леопарду оказался не по зубам ничтожный, но твердый орешек — Петропавловск. Лавры на Тихом океане завяли, а гордая надпись оказалась пустым хвастовством.

Неприятель тщательно скрывал свои потери. На берегу было подобрано 38 трупов, в том числе 4 офицера. В плен было взято 4 человека. Но основная масса убитых и раненых погибла в море и лишь частично была подобрана своими. Действительные размеры потерь выяснились только впоследствии из неприятельской печати. Английская газета «Таймс» сообщала, что в боях 24 августа было убито 273 и ранено 162 человека. Убиты были, между прочим, все командиры десантных отрядов.

[1] Per mare, per terram — на море и на суше.

Общие потери англо-французов в Петропавловске определялись в 450 человек.

В числе погибших был и командующий английской эскадрой контр-адмирал Прайс. Причины его смерти усиленно скрывались англичанами и о них циркулировало несколько версий. По наиболее распространенной из них — Прайс погиб от неосторожного обращения с револьвером еще 19 августа. Этим, между прочим, объяснялось и внезапное прекращение в этот день военных действий со стороны неприятеля.

Другие приписывали эту смерть самоубийству Прайса после окончательного разгрома эскадры и относили ее к 24—25 августа.

Третьи, наконец, утверждали, что Прайс был убит нашей картечью еще в первую перестрелку 18 августа. Упомянутый уже нами К. Дитмар категорически подтверждал эту последнюю версию и заканчивал свой рассказ об этом эпизоде следующими словами: «Убитый высший офицер был не кто другой, как адмирал Дэвис Прайс, о котором позже англичане распространяли слух, что он сам застрелился. Однако для самоубийства в то время не было еще ни малейшего основания, так как в самом начале действий чересчур превосходящего силами неприятеля нельзя было еще предвидеть позорного поражения, которое последовало позже».

Защитники Петропавловска не думали, что опасность уже миновала, и немедленно начали восстанавливать батареи и готовиться к новому нападению англо-французов. В ночь на 25 августа были приведены в порядок батареи №№ 3 и 7. Но неприятель не рискнул больше повторять свои неудачные попытки. Англо-французский флот, порядком потрепанный, с большими потерями в людском составе, вынужден был с позором ретироваться в иностранные порты.

25 и 26 августа союзная эскадра оставалась в Тарьинской губе и усиленно ремонтировалась. В эти же дни

были похоронены убитые в последних боях. Две огромные насыпи — братские могилы, воздвигнутые на берегу Тарьи, свидетельствовали о бывших потерях неприятеля.

К вечеру 26 августа у входа в Авачинскую губу показался наш бот № 1, направлявшийся в Петропавловск. Он был уже в виду неприятеля, но, своевременно предупрежденный маяком, успел уйти в море и предупредил, в свою очередь, шхуну «Восток», которая везла почту в Петропавловск. Шхуна ушла в Большерецк, а бот проскочил через входные рифы и скрылся в соседней Жировой бухте.

27 августа позорно разбитая неприятельская эскадра снялась с якоря, вышла в море и больше в этом году не показывалась. Часть судов отправилась в Сан-Франциско, другая — на остров Ванкувер. Во время плавания неприятель захватил коммерческое судно Российско-Американской компании «Ситху» и сжег военный транспорт «Анадырь».

Союзная эскадра получила в бою 24 августа крупные повреждения. Американские газеты следующим образом описывали положение пришедших в Сан-Франциско и Ванкувер судов: «Состояние франко-английских судов носит широкое свидетельство искусства русских в артиллерийском деле, и потребуется немало времени и средств на исправление всех повреждений. Английский фрегат «Президент» находится в весьма печальном положении и с большой опасностью достиг острова Ванкувер. Одно ядро, пущенное с русской батареи, разом положило у него 13 человек, и фрегат пробит насквозь во многих местах». У остальных участвовавших в бою судов были пробиты корпусы, перебиты ванты и т. д.

Русские моряки, солдаты и казаки с помощью «камчадалов» одержали полную победу над англо-французами.

Небольшая горсть защитников (879 человек) с ничтожными средствами обороны (63 устаревших орудия малого калибра) разгромила мощную армаду врага (7 су-

дов, около 3 тысяч экипажа при 298 орудиях крупного калибра). В решающих боях на Никольской сопке 204 стрелка опрокинули в море 926 человек десанта.

Наряду с многочисленными, оставшимися в большинстве своем неизвестными, героями обороны необходимо отдать должное и командирам — организаторам победы. Особенно велика в этом отношении роль командира фрегата «Аврора», капитана-лейтенанта Изыльметьева. При появлении неприятеля среди самого командования возникли сомнения в возможности дать ему отпор, один Изыльметьев проявил непоколебимую твердость и решительность. Он категорически заявил о недопустимости сдачи и объявил, что в случае допуска неприятеля в город будет продолжать бой с фрегата и взорвет его, если потерпит поражение. Эта решительность сломила все колебания и привела в конечном итоге к той упорной блестящей обороне Петропавловска, которая увенчалась таким полным успехом.

Вскоре в Петропавловск начали приходить русские суда. Первыми прибыл бот № 1 и корвет «Оливуца», чрезвычайно ловко проскочивший мимо неприятеля. За ними пришли транспорты «Иртыш» и «Байкал» и коммерческие суда со снабжением.

Население окончательно убедилось, что враги отправились во-свояси, и вздохнуло свободно. Началось возвращение в город женщин и детей, отправленных при появлении англо-французской эскадры в окрестные селения. Полетели нарочные с вестями о блестящей победе и окончании блокады. Для Петропавловска наступила длинная передышка: осень прекращала в те времена надолго плавание в камчатских водах, и возвращение неприятеля было маловероятно.

Камчатка свято хранит до сих пор воспоминания о событиях 1854 г. Живым памятником героической обороны служит заповедная роща — прекрасный березовый парк на возвышенностях Сигнального полуострова, тщательно оберегаемый населением в честь героев, обагрив-

ших его своею кровью. Братская могила хранит тела павших бойцов, на ее трех чугунных крестах — надписи на трех языках: «Здесь лежат воины, верные своему долгу и отечеству». У входа во Внутреннюю гавань стоит на Кошке чугунный обелиск, высотою около 12 метров, — памятник «Слава», сооруженный на пожертвования русских моряков.

Мировая слава Петропавловска

Героическая оборона 1854 г. стяжала Камчатке славу во всем мире. Небольшой, затерявшийся на Тихом океане городок стал надолго в центре внимания печати обоих полушарий. Отклики прессы на петропавловские события были, само собою разумеется, различны в разных странах Нового и Старого Света. В то время как американская печать расценивала эти события, как блестящую победу русских и позорное поражение союзников, франко-английские газеты старались всячески скрыть или преуменьшить свое поражение. Но все единодушно отдавали должное исключительному героизму участников обороны.

Газеты Сан-Франциско писали о том, что «по всем рассказам о подробностях бомбардировки Петропавловска ясно видно, что союзники совершенно не ожидали такого приема, который удостоились получить... Это было одно из самых отчаянных сражений, где русские показали величайшее хладнокровие и храбрость». «Решимость русских, — писала другая газета, — видна была в силе, с какою они защищали незначительный камчатский городок против сильного и хорошо снабженного неприятеля... Русские действовали так хорошо своею артиллериею, что нанесли значительный вред союзникам, и мы предполагали, что последние порядочно проучены». Указывая на то, что союзники всячески преуменьшают свои потери, газеты сообщали: «До нас дошли слухи,

что потери, понесенные союзниками, в четыре раза больше тех, о которых они говорили сначала».

Американцы едко высмеивали «трофеи», взятые неприятелем на Камчатке: «Единственный трофей союзников был несчастный купеческий корабль с 3 или 4 пушками, принадлежащий Российско-Американской компании, которому посчастливилось набежать на союзников прежде, нежели он их рассмотрел, и разумеется он должен был сдаться без выстрела». Еще больше насмешек вызвало нашумевшее повсюду пленение мирного бота: «За день до боя взято в плен 7 русских матросов, провозивших кирпич. Видно, что союзники только и умеют побеждать беззащитных». Много внимания уделялось печатью разногласиям среди англо-французского командования: «Французы обвиняли англичан в измене, в неподаче в нужный момент помощи». Далее приводился характерный факт, как «при атаке 5 сентября (нов. ст.) французский адмирал де Пуант приказал прикрепить свои суда концами к английским судам (фрегатам), чтобы быть уверенным в их содействии».

Столь же беспристрастна в оценке событий была и печать Чили, Перу и вообще вся американская пресса. Отдавая должное огромному мужеству защитников Петропавловска, все газеты и журналы особенно возмущались поведением англичан. Печать изумлялась, что «русскими создана твердыня в таком ничтожном месте как Петропавловск, где англичане съели такой гриб, который останется позорным пятном в истории просвещенных мореплавателей и который никогда не смоют волны всех пяти океанов».

Совершенно иначе, конечно, откликнулось на петропавловские события большинство франко-английских газет. Целое море лжи, самого безобразного искажения фактов и самых нелепых объяснений преподносилось читателю о петропавловской кампании.

Редким исключением по своему объективному освещению военных действий и справедливой оценке их ре-

зультатов явилась большая статья французского адмирала Гайля, заканчивавшаяся следующими словами:

«Эта короткая кампания богата поучениями. У нас с самого начала нерешительность парализовала все действия... Русские должны были все потерять в предпринятых действиях, но вот что значит человеческая деятельность! Какое превосходное уменье воспользоваться временем! Прийти из Кронштадта на Камчатку, переплыв два океана, едва имея несколько дней для отдыха, с изнуренным экипажем, половина которого в скорбуте,[1] но что это значит? Не в море «Аврора» надеется нас отразить. И вот начались работы для защиты порта, в котором она укрылась, работы, совсем забытые в течение долгих лет мира».

Следует отметить то единодушие, с которым вся неприятельская пресса отдавала должное исключительному героизму и военному искусству защитников Петропавловска. Английская и французская печать восторженно отзывалась о боевых качествах русского флота и высоком мужестве русских. Руководители петропавловской обороны получили много приветственных адресов от граждан США, а равно и от бывших неприятелей.

Общественное мнение союзников восприняло петропавловские события, как «неслыханное поражение». Военные круги Англии и Франции были потрясены разгромом своих сил и расценивали его, как «исключительное оскорбление своих флагов». Отовсюду неслись требования отправить вновь на Камчатку в следующем 1855 г. соединенную эскадру, «отомстить за позорное поражение уничтожением Петропавловского порта и всего русского флота на Тихом океане». «United Service Magazine» писал весною 1855 г.: «Но как намерены поступить с Петропавловском? Хотят ли спокойно примириться с позором прошлого поражения? Ибо, по нашему мнению, мы там действительно потерпели поражение.

---

[1] Скорбут — цынга.

Теперь берега Камчатки свободны ото льдов и хотя у нас значительный отряд судов в Тихом океане, однако же ничего не слышно о намерении загладить прошлогоднюю неудачу новой экспедицией. Борт одного только русского фрегата и несколько батарей оказались непобедимыми перед соединенною морскою силою Англии и Франции, и две величайшие державы земного шара были осилены и разбиты ничтожным русским местечком!»

Вести о славной обороне Петропавловска вызвали громадный подъем среди всего населения Восточной Сибири. Посыпались пожертвования на нужды обороны. Верхнеудинские крестьяне отказались от платы за перевозку вооружения и снабжения, население этого округа внесло 2800 пудов хлеба, 300 голов скота и 2500 рублей деньгами. Кочевые эвенки Охотского округа пожертвовали 395 оленей и т. д.

Неожиданная судьба Петропавловска

Предвидя повторное нападение англо-французов весною следующего 1855 г., военное командование Петропавловска считало необходимым максимально повысить его обороноспособность. Разработан был подробный план подготовки к обороне, предусматривавший значительное увеличение военных сил и материальных средств защиты. План этот Завойко заблаговременно послал Муравьеву. Одновременно в самом Петропавловске были приняты все возможные в местных условиях меры по подготовке к новой обороне. Всю зиму 1854—1855 гг. шли деятельные работы по восстановлению батарей, сооружению пороховых погребов, казарм и т. д. По примеру прошлого лета, к работам этим был привлечен поголовно весь гарнизон и все население города.

Между тем в Иркутске еще в ноябре 1854 г. были получены сведения о том, что союзники снаряжают для действий в Тихом океане новую эскадру в 18 вымпелов. Муравьев полностью разделял мнение Завойко о необхо-

димости дальнейшей защиты Петропавловска и своевременного приведения его в обороноспособное состояние. Он распорядился еще в ноябре об отправке с открытием навигации по Амуру различного снаряжения, вооружения, материалов, воинских команд, словом, «всего необходимого для усиления Петропавловского порта». Другие, выходившие из его компетенции, вопросы вооружения он представил на разрешение центральной власти в Петербург.

Сообщения восточно-сибирских и камчатских властей о блестящей победе 20—24 августа дошли в столицу в декабре 1854 г. Пока известия эти шли через всю Сибирь, а в Петропавловске все готовились к защите, произошли крупные перемены во взглядах правительства на Камчатку, определившие судьбу ее более чем на полвека. К концу 1854 г. участь Петропавловского порта, а тем самым и всего полуострова была уже решена. Восточно-сибирской администрации было предложено совершенно разоружить и эвакуировать порт. Тупоумное и ограниченное правительство Николая I считало эту оборону нецелесообразной, как сопряженную с лишнею для столь отдаленной окраины тратою сил и средств.

Получив распоряжение, Муравьев принял срочные секретные меры к полной эвакуации Петропавловского порта. Эвакуация должна была состояться самой ранней весной, немедленно по открытии навигации, до возможного прихода неприятельской эскадры в камчатские воды. План восточно-сибирского командования был построен на том, что зимовавшему в Петропавловске немногочисленному русскому флоту удастся обмануть бдительность неприятеля и добраться благополучно в Амурский лиман.

В самый разгар подготовки к обороне, 3 марта 1855 г., в Петропавловск прибыл курьер Муравьева эсаул Мартынов. Он привез награды за прошлогоднее дело и распоряжение снять порт и все укрепления, вооружить зимовавшие суда и вывезти при первой возможности все

казенные учреждения и имущество, гарнизон и гражданских служащих с семьями. Место назначения эскадры было известно одному Завойко и держалось в полном секрете. Из опасения, чтобы неприятель не проведал, по Петропавловску распространялись самые разнообразные слухи о предстоящем плавании. По одним версиям эскадра отправлялась в Батавию или Сан-Франциско, где и предполагалось переждать войну под покровительством США. По другим — порт было решено перенести в устье реки Анадырь.[1]

На петропавловцев выпали снова немалые трудности. Особенно сложна была обратная погрузка на суда орудий, снятых осенью. Батареи были завалены целыми горами снега. Местонахождение каждого орудия определялось с помощью длинных железных прутьев. Затем производились раскопки, извлечение пушек из глубоких ям, погрузка на специальные нарты и спуск на лед Ковша. Весенний лед во время этой операции уже терял свою крепость. Доставка орудий на суда была трудна и опасна. Нарты с пушками спускались на лед и немедленно подхватывались несколькими самыми сильными матросами, [illegible] к судам. Под по- [illegible] Все обошлось [illegible] людьми не было, и орудия [illegible] суда. После военного снаряжения [illegible] погружено имущество учреждений и гарнизона. Грузы одного только порта составили свыше 80 тысяч пудов. Одних пассажиров было 282 человека, всего на судах было до 800 человек. В результате наступивших оттепелей работы производились по колено в грязи и воде. Одновременно происходила оснастка и ремонт судов.

Все эти громадные работы были закончены менее чем в месяц. Затем началась прокладка прохода для судов, стоявших во льдах Ковша, в незамерзающую большую

---

[1] Река Анадырь, важнейшая магистраль Чукотского национального округа, впадает в одноименный залив Берингова моря.

губу. Проход этот пропиливал целый отряд, стоявший круглые сутки в воде. Часто очищенное накануне пространство снова покрывалось льдом в результате наступавших утренников.

5 апреля камчатская эскадра в составе флагманского корвета «Оливуца», фрегата «Аврора», транспортов: «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бота № 1 вышла в открытое море.

Маленький, еще недавно оживленный городок совершенно опустел: покинувшие город гарнизон и гражданские служащие составляли большинство его населения. Оставшиеся жители были обеспечены всем необходимым на два года. Есаулу Мартынову было поручено гражданское управление и командование оставленной в Петропавловске частью казаков и ополченцев. В случае появления неприятеля все казенное и частное имущество и запасы снабжения должны были быть вывезены внутрь полуострова, в селения Авачу и Старый Острог. Там же были сосредоточены небольшие военные силы для нанесения ущерба врагам в случае продвижения их за пределы города. В Большерецке стоял бот «Кадьяк», готовый выйти в море [illegible] Петропавловска до Большерецка [illegible]

В своем последнем донесе[illegible] войко писал:

«Подведомственные мне штаб и обер-оф[illegible] и нижние чины, неутомимо трудившиеся всю зиму над постройкой укреплений и постановкой на них орудий, оказали и в настоящем случае примерное усердие и самоотвержение. Только при такой ревност[illegible]ненных моих к службе возможно было снять Петропавловский порт в течение месяца, и это дает мне повод надеяться, что и в предстоящем нам плавании все будут воодушевлены тем же усердием и суда вовремя и беспрепятственно достигнут места своего назначения. Если же, сверх ожидания, мы встретим в море сильного неприятеля, то или отразим его, или

погибнем, не отдав врагу русских военных судов и славного русского флага».

Так закончился недолгий период оживления и некоторых надежд на будущее развитие Камчатки. После славного эпизода 1854 г. весь Охотско-Камчатский край попал в старое положение и оставался — в условиях царской России — самой забытой окраиной империи.

Открытие Невельским устья Амура и возвращение России всего Приамурского края сосредоточили все внимание правящих кругов на Николаевске-на-Амуре и несколько позднее на Владивостоке. Петропавловск-Камчатский, который по замыслу Муравьева должен был стать главным портом России на Востоке, был обречен на самое жалкое прозябание. Из порта были перенесены «все находящиеся там военные способы, морская команда и управления как гражданские, так и военные в Николаевский пост на устье Амура», переименованный впоследствии в Николаевск-на-Амуре. Население Камчатки предполагало, что это временная мера, которая будет отменена после прекращения войны, но надежды эти не оправдались.

Положение Камчатки да и всего Дальневосточного Севера стало еще печальнее, чем в конце XVIII — начала XIX в. Состоявшаяся в 1867 г. продажа США американских владений России убила даже косвенный интерес к полуострову, как к базе сношений с этими колониями. Прекратились и случайные посещения Камчатки русским военным и коммерческим флотом. В конце 1856 г. была образована новая Приморская область Восточной Сибири, в состав которой вошла и упраздненная Камчатская область. В новом Камчатском округе было организовано только земское управление во главе с исправником. Из обычных учреждений оставлена только почтовая контора. Военных сил на полуострове не было совершенно. Камчатская флотилия уступила свое место Сибирской флотилии на Восточном океане.

С тех пор, на протяжении около 70 лет, до Великой

Октябрьской социалистической революции, Камчатка была почти забыта. Лишь изредка, под влиянием совершенно внешних причин, вспыхивал к ней официальный интерес, быстро погасавший. Так, в связи с сооружением в 90-х гг. Сибирской магистрали, на полуострове были произведены исследования полезных ископаемых. Революционное движение крестьянства в годы первой революции заставило правительство и помещичье земство заинтересоваться Камчаткой, как безопасным местом для переселения «беспокойных» крестьян Украины. Но и эта затея оказалась не по силам самодержавию. Лишенная минимальнейшей обороноспособности и отрезанная совершенно не только от Европейской России, но и от Приморья, Камчатка явилась лакомым кусочком для своих империалистических соседей. Именно за этот период (с середины XIX в. до советизации Дальнего Востока) подвергались полному опустошению громадные природные богатства края: киты и моржи, морские коты (котики) и выдры (камчатские бобры), соболь, золото. Военная «сила» Петропавловска на грани XX в. состояла из 50 казаков с 5 урядниками, мало напоминавших воинскую часть и несших только полицейскую службу. Вся оборона громадного края выражалась только в случайных редких рейсах охранных судов. Во время русско-японской войны мирный и беззащитный городок подвергся 30 июля 1905 г. бомбардировке со стороны японского флота. Позорный Портсмутский мир и рыболовная конвенция 1907 г. отдали главнейшие богатства Камчатки — тихоокеанскую лосось — на расхищение Японии. Экспансия американского капитала на север и японского на юг страны заставила, наконец, призадуматься индиферентное царское правительство. В 1909 г. была вновь образована Камчатская область, началось некоторое строительство, но все опять прекратилось в связи со вспыхнувшей мировой войной.

К моменту окончательной организации советской власти, в декабре 1922 г., Петропавловск еле насчитывал

тысячу жителей и был попрежнему ежегодно отрезан от материка с ноября по май.

Но и в этот последний и самый тяжелый период камчатской истории разноплеменное население Камчатки оставалось всегда верным своей родине. Многочисленные народности края,[1] несмотря на свою исключительную отсталость и полную заброшенность, показывали не раз образцы высокого героизма при обороне своей земли от наглых нападений тех или иных хищников. Во время той же русско-японской войны ничтожная горсть камчатских партизан сбросила в море десант — «вольную японскую дружину» под командованием лейтенанта Гундзи, объявившую Камчатку «землей Микадо». В годы интервенции (1919—1922) такая же горсть партизан не пустила захватившие Петропавловск большие японские силы продвинуться за пределы города. К таким же героическим страницам камчатской истории относятся: и 20-летняя дореволюционная борьба унанганов Командорских островов с теми же японскими хищниками и совместная с русскими гражданская война нымылланов и эвенов в Охотско-Гижигинском районе и луораветланов на Чукотке с бочкаревско-пепеляевскими бандами и мн. др.

Действия неприятеля в 1855 г.

Камчатке было суждено привлечь к себе мировое внимание и в следующем после героической обороны 1855 г. Действия неприятеля подверглись на этот раз еще большей насмешке со стороны печати всех стран.

В течение всей зимы 1854/55 г. англо-французские суда стояли в различных американских портах и усиленно готовились к реваншу. Отплытие на Камчатку было

[1] Население Камчатского края состоит, помимо русских и различных национальных групп, из 8 малых народностей Севера: луораветланов (чукчей), нымылланов (коряков), одулов (юкагиров), этелей (чуванцев), юитов (эскимосов), ительменов (камчадалов), унанганов (алеутов), эвенов (ламутов).

назначено ранней весной, сборным пунктом — открытые воды в районе Авачинской губы.

Первыми прибыли к месту встречи английские суда «Энкаунтер» и «Барракута». Уже 2 апреля они были недалеко от Ворот, под 160° восточной долготы и 50° северной широты. Вскоре к ним присоединились находившиеся вблизи французские суда: «Альцеста» и «Бриск».

Совершенно не подозревая о быстром и смелом снятии порта и не рискуя приблизиться к Петропавловску, англо-французская эскадра крейсировала в этом районе более месяца в ожидании подкреплений.

В день ухода камчатской флотилии из порта 5 апреля неприятель находился в 10 милях от мыса Шипунский.[1] Англо-французы, по обыкновению, проворонили русские суда, а наши приняли их за китобоев, приходивших обычно весною в эти воды. Наступивший вскоре сильный туман совершенно скрыл нашу эскадру.

Вслед за этим прибыли из Гонолулу французское судно «Евридика» и английский пароход «Монарх». 8 мая с маяков сообщили о появлении союзной эскадры на траверзе входа в губу. Но и тут англо-французский флот в составе 6 мощных судов не рискнул войти в памятную для него бухту. С 8 по 19 мая эскадра крейсировала перед Воротами, постепенно увеличиваясь в своем составе. Наконец, 19 мая в Авачинскую губу вошло 7 неприятельских судов: 3 парусных фрегата, 2 военных винтовых парохода, 1 английский корвет и 1 английский колесный военный пароход. В последующие дни уже в Авачинской губе к эскадре присоединилось еще 5 судов.

В Петропавловске между тем происходило следующее.

В момент появления неприятеля в океане на Авачинском рейде стояло китобойное судно «Аян», нагруженное мукой, частями разобранного парохода, разным иму-

---

[1] Мыс Шипунский расположен в 49 милях к северо-востоку от Ворот.

ществом и семьями служащих. Капитан «Аяна» не рискнул выйти в море и распорядился полностью разгрузить судно. Мука была уложена в сооруженный в течение двух дней магазин, части парохода затоплены, судовые припасы сданы на хранение проживавшему в Петропавловске американцу Чезу, команда свезена в город. Весь такелаж и паруса зарыты в землю, и на «Аяне» остались лишь голые мачты. В таком виде судно было отведено в Раковую губу и поставлено там на якорь.

Оставшиеся в порту пушки, снаряды, якоря — словом, все его оборудование, до оконных рам и стекол включительно, было зарыто в землю. Таким образом, еще до прихода неприятеля в Авачинскую губу было убрано решительно все казенное имущество до последнего куска железа.

Гражданское население Петропавловска не пожелало остаться в городе и было отправлено в соседние селения. Жители города также увезли с собою все имущество, разобранные части домов: железные крыши, оконные рамы, дверные петли, вьюшки и пр.

Петропавловск принял вид брошенного, пустынного городка.

Вошедшая в губу эскадра держалась после прошлогоднего урока более чем осторожно. Первые дни суда занимались промерами и осмотром Авачинской губы и готовились к военным действиям.

В эти дни погиб смертью героя матрос 47-го флотского экипажа Удалов. Он был взят в плен англичанами 19 августа 1854 года на боте, перевозившем кирпич из Тарьи в порт. Во время погони неприятеля за ботом Удалов напомнил товарищам о воинском долге: «Помни — матрос не должен живой отдавать ружья своего неприятелю». Ружей у матросов не было, были только кирпичи. «Если кирпичи станем кидать в неприятеля, даром жизнь погубишь и ни одного не зашибешь до смерти, не замай, пусть нас берут, а вы смотри не зевай, не могим ли мы какого случая найти на судне на погибель

врагам». Боцман Усов добавил к этому: «Смотри не разговаривать, что будет неприятель выспрашивать, знай отвечай на все вопросы: не могу знать — а там, что бог даст».

Англичане действительно всячески пытались получить у пленных сведения о военных силах Петропавловска, расположении батарей и пр., но ничего не добились и заковали матросов в кандалы. Пленные впоследствии рассказывали, что слышали пальбу и страдали, что «сидят закованные, когда товарищи проливают кровь». При отступлении пленные были увезены на остров Таити, где их заставили строить крепость. Удалов отказался работать и был снова закован.

На следующий год матросы были снова привезены на одном из английских судов в Петропавловск. Здесь англичане пытались заставить их участвовать в военных действиях против своих. Удалов категорически отказался итти к пушке, стал у грот-мачты и сказал товарищам: «Ребята! грех на своих руки поднимать! Уж лучше смерть!» Скрестил руки на груди, выругал англичан и крикнул: «Слышь вы — у русских руки не поднимаются на своих, я к пушке не иду!»

Слова Удалова были переведены лейтенанту. Тот пригрозил немедленно повесить матроса за ослушание и приказал готовить гордень. Удалов снова вскричал: «Врешь, ты меня не повесишь, и я к пушке не пойду». Затем он бросился по снастям вверх по мачте, перепрыгнул на ванты и, крикнув на прощанье товарищам: «Не поднимайте рук на своих», бросился в воду.

23 мая неприятель обнаружил в Раковой губе «Аян» и привел его с триумфом к Сигнальному мысу. Наконец, одно из судов было отправлено на разведку в Петропавловскую губу. Командир его сообщил по возвращении, что им не обнаружено ни одного судна, ни одного орудия, ничего, кроме пустых амбразур батарей да полуразрушенных домов. Командование эскадры пришло в полное недоумение, и на другой день в Петропавловск от-

правился сам командующий английской тихоокеанской эскадрой адмирал Брюс. В своем донесении, напечатанном в газете «L'Independance Belge», Брюс подробно описал свое посещение Петропавловска. Он нашел порт и город «мертвыми». Ни судов, ни орудий действительно не было. Единственным жителем Петропавловска был американец Чез, сообщивший Брюсу, что весь русский флот ушел более полутора месяцев тому назад, увезя с собою гарнизон, служащих, орудия, снаряды, все имущество.

Неприятель был изумлен и подавлен отсутствием русского флота. Союзники, действительно пришедшие очень рано на Камчатку, были убеждены, что льды задержат наши суда в гавани до их прихода. Полная неизвестность, куда девалась русская эскадра и где надо искать ее, смутила окончательно англо-французов.

Тем не менее эскадра не спешила, видимо, на поиски противника и оставалась в губе еще свыше двух недель. В бессильном стремлении получить реванш, неприятель начал хозяйничать в городе. Все площадки для батарей были тщательно уничтожены, сожжены пороховые погреба, фашинник и несколько зданий Петропавловска — аптека, жилой дом и магазин Российско-Американской компании и др. Перед самым уходом эскадры был торжественно сожжен «Аян».

В начале июня союзные суда начали постепенно оставлять губу и группироваться в море перед Воротами. 8 июня на Авачинском рейде осталось одно судно — английский корвет «Тринкомалай». На нем был поднят парламентарский флаг и через американца Чеза был предложен обмен военнопленными. В результате «сношения с временным губернатором места, переведенного отсюда внутрь страны, капитаном Мартиковым» (Мартыновым. *М. С.*), — как выражалось фигурально то же донесение Брюса, — были обменены пленные прошлого года.

15 июня неприятельская эскадра окончательно покинула камчатские воды. Не получая никаких сведений

о присутствии врагов, 3 августа Мартынов отправил в Петровское зимовье[1] «Кадьяк» с донесением о событиях.

Камчатская флотилия спешила к устью Амура, преодолевая громадные трудности раннего плавания в тихоокеанских водах. Трудности эти возрастали в результате недостатка снабжения и крайне тяжелого физического состояния экипажей, измученных годовым плаванием, напряженными работами и военными действиями в Петропавловске. Через три недели после ухода из порта эскадра обогнула с юга Сахалин и остановилась 26 апреля в бывшей Императорской гавани.[2]

Во время этого плавания командир корвета «Оливуца» опрашивал встреченный американский китобой и узнал, что неприятельская эскадра в составе 7 парусных судов и 1 парохода вышла в январе из Гонолулу в Сан-Франциско. Пополнив там команды и запасы снабжения, она должна была немедленно итти на Петропавловск.

Наше командование полагало, что, найдя порт очищенным и узнав от встреченных судов о следовании русских судов к устью Амура, неприятель направится к Татарскому заливу и скоро прибудет туда. Решено было поэтому не медлить в бывшей Императорской гавани, а достигнуть при первой возможности еще покрытого льдом Амурского лимана, где должна была сосредоточиться вся наша тихоокеанская эскадра. К 1 мая камчатские суда собрались в заливе де-Кастри;[3] к мысу Лазарева[4] был послан бот № 1 для наблюдения за состоянием льдов лимана.

---

[1] Петровское зимовье — первый русский пост в районе Амурского лимана (залива Счастья), основан Невельским в 1850 г.

[2] Бывшая Императорская, ныне Советская гавань — залив на западном побережье Татарского пролива, около 43° северной широты. Открыта 23 мая 1853 г. лейтенантом Н. К. Бошняком.

[3] Залив Де-Кастри на том же побережье, около 51°31′ северной широты. Открыт в 1783 г. известным мореплавателем Лаперузом.

[4] Мыс Лазарева — южный входной мыс в Амурский лиман, лежит в наиболее узкой части Татарского пролива.

По поступившим сведениям, англичане, узнав об эвакуации Петропавловска, отправили часть своей тихоокеанской эскадры для блокады берегов Охотского моря и Татарского пролива. Неприятель кидался из стороны в сторону в лихорадочных поисках неожиданно исчезнувшей камчатской флотилии.

По прибытии в залив де-Кастри наша эскадра подготовилась к возможному нападению. Все эвакуированные из Петропавловска семьи гарнизона и служащих, почта, казначейство и прочее имущество были отправлены внутрь страны - в селение Кизи. Эскадра получила диспозицию и держалась все время наготове к бою. Встретить неприятеля в случае его появления должны были корвет «Оливуца» (20 орудий), фрегат «Аврора» (44 орудия) и транспорт «Двина». «Двина» — совершенно не боевое судно, вооруженное 10 негодными пушками, — была поставлена на линию только по настойчивому требованию ее командира. Транспорты «Иртыш» и «Байкал», не имевшие никакого вооружения, были снаряжены как брандеры.

8 мая на рассвете были замечены три неизвестных судна — фрегат большого ранга, винтовой корвет и бриг, осторожно пробиравшиеся в залив.

Как выяснилось впоследствии, это были английские суда — фрегат «Сибилла» (40 пушек), корвет «Горнет» (16 пушек) и бриг «Биттерн» (12 пушек). Суда эти входили в состав китайской эскадры адмирала Джемса Стерлинга, посланной в Нагасаки для ратификации договора между Англией и Японией, и были отправлены под начальством командора Эллиота на поиски русской эскадры. У нас ударили тревогу. Немедленно на мачтах наших судов взвились флаги. Неприятельские фрегат и бриг остались в открытом море, за мысом Клостеркамп,[1] а корвет занялся промерами части залива, нахо-

[1] Мыс Клостеркамп расположен на западном побережье Татарского пролива, к югу от залива де-Кастри.

дившейся вне выстрелов. В 6 часов вечера он медленно поднял английский флаг, подошел на 10 кабельтовых к «Оливуце» и открыл огонь. Три ядра пронеслись мимо нашего корвета, который ответил двумя выстрелами. Одно из наших ядер попало в неприятеля. На транспорте «Двина» в это время команда пела песни. Английский корвет повернул назад и быстро вышел из замка.

Русские решили, что нападение отложено до рассвета, и всю ночь готовились к бою. На следующий день, 9 мая, неприятельские суда стояли в море, 10 мая они виднелись еще за Клостеркампом, а затем совершенно исчезли из вида.

Наши суда тем не менее были убеждены, что вскоре на них последует нападение. Судя по тону английской печати и получаемым сведениям, нельзя было усомниться в том, что при малейшей возможности «каждый английский командир почтет за особенное счастье встретиться с русскими военными судами». В данном случае все преимущества были явно на стороне англичан. Эскадра их была сильнее наших двух военных судов и насчитывала в своем составе прекрасный винтовой корвет, которому русские не могли противопоставить ничего равного. Впоследствии некоторые английские газеты в оправдание поведения своей эскадры сообщали, что у русских было пять военных судов и один пароход, между тем в действительности у них было всего два парусных военных судна и три транспорта. Это было прекрасно видно Эллиоту во время его разведки. Странное поведение англичан, настойчиво разыскивавших наш флот и уклонившихся от боя при первой же встрече, повергло наше командование в полное недоумение. Наиболее вероятным было предположение, что появившиеся суда — только посланный на разведку авангард, за которым следуют главные силы противника.

Между тем отправленный к мысу Лазарева бот № 1 вернулся и сообщил, что лед в Амурском лимане прошел и путь к мысу Лазарева также свободен ото льда.

На состоявшемся военном совете командиров всех судов было решено итти немедленно к мысу Лазарева и ожидать там под прикрытием батарей возможности войти в устье Амура. На вопрос, как поступить в случае нападения неприятеля на эскадру, члены совещания, начиная от младшего, один за другим единодушно постановили действовать согласно Морскому уставу: «драться до последней крайности, а при неудаче суда взорвать, а уцелевшим морякам стараться достигнуть Амура».

В ночь на 16 мая наша эскадра отправилась к северу. Вахтенные круглые сутки не выпускали из рук подзорных труб, разыскивая неприятеля, но за все время плавания он ни разу не показался. 24 мая камчатская флотилия достигла мыса Лазарева и вскоре соединилась с другими отечественными судами. Наши объединенные силы укрепили свои позиции и стали ждать неприятеля, который, однако, так и не появился.

Так благополучно закончилось снятие Петропавловского порта и переход нашей эскадры, можно сказать, в виду неприятеля. Ни одна единица этой эскадры не была потеряна в тяжелые 1854—1855 гг.

Летом того же года на Амур прибыл Н. Н. Муравьев, назначенный командующим всеми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными в устье реки. Распорядившись о размещении войск по отдельным постам, о сооружении новых укреплений и пр., Муравьев обратился к войскам с приказом, заканчивавшимся следующими словами: «Русские войска нигде от неприятеля не отступают, в плен не сдаются, а побеждают на своих местах или умирают. Герои Петропавловского порта покажут нам пример самоотвержения, русской силы и безусловного повиновения. . .»

Новый позор англо-французов

Вернемся к неприятельской эскадре. Как выяснилось впоследствии, англичане не рискнули вступить в бой только с тремя судами (против двух русских?!) и ото-

шли к югу от Клостеркампа настолько, чтобы их не было видно с берега. Командир корвета Эллиот решил сторожить здесь наши суда, а бриг он послал в Хакодате к адмиралу Стерлингу за инструкциями и подкреплением. Оставшиеся фрегат и корвет стали крейсировать южнее Клостеркампа.

Бриг соединился с «китайской» эскадрой, и 16 мая, спустя 14 часов после ухода русских судов, сильная английская флотилия снова появилась в заливе де-Кастри. Подходя к заливу, суда выстроились в боевую линию и выслали вперед разведку. Англичане не допустили ни малейшей возможности, что не найдут нашей эскадры. Отсутствие русских судов поразило неприятеля и было для них совершенно непонятно. Тем не менее они высадили на пустынное побережье залива десант и тщательно осмотрели его. Никаких людей обнаружить не удалось. Англичанам в качестве «трофеев» остался мешок ржаной муки и частное имущество камчатского аптекаря.

Начались лихорадочные поиски русской эскадры. К югу она, по утверждению Эллиота, не проходила, а к северу, по убеждению англичан, прохода в Охотское море не было. Ничего не зная об открытиях Невельского, неприятель считал Сахалин полуостровом, перегораживающим выход из Татарского залива. Именно этими соображениями оправдывался впоследствии Эллиот. Соединившийся вскоре с эскадрой Эллиота адмирал Стерлинг разослал союзные суда по разным направлениям. В первую очередь они бросились на юг и обшарили все уголки Татарского пролива. Союзники заглянули всюду, кроме того места, куда им следовало пойти в первую очередь. Три английских судна и два французских были отправлены в Охотское море, к Аяну, но с тем же результатом. Озадаченные союзники снова остались ни с чем. Франко-английская печать недоумевала, куда могла деться русская эскадра, и выступала с самыми нелепыми предположениями. Так «Journal des Debats» писал следующее:

«Мы теряемся в предположениях, что сталось с русскими и их судами? Если бар не позволил союзным военным судам войти в реку, то как же могли русские провести свои? Вероятно, что они скрылись в какой-либо бухте Татарского «залива». Русских не отгадаешь! Не сожгли ли они свои суда и не удалились ли в какую-нибудь крепость в верховьях Амура или в самую Сибирь?»

Мы имели в виду осветить до конца историю камчатской флотилии в 1854—1855 гг. Действия англо-французов на Охотском море не входят поэтому в нашу задачу. Для характеристики этих «действий» достаточно указать, что они совершенно аналогичны таким же громким «победам» английского флота в эту кампанию на нашем архангельском побережье: бомбардировке Соловецкого монастыря, разорению поморских промысловых становищ и т. п.

Так главные «действия» неприятеля при нападении на Аян в июне-июле 1855 г. состояли в захвате различных материалов (леса, досок, железа), уничтожении мелких пловучих средств и усиленных поисках зарытого в землю оружия. Французские моряки, оставшиеся в Аяне после ухода оттуда англичан, рассказывали, что те искали не столько пушки, сколько казенные деньги, спрятанные будто бы там. Французы прибавили, что «взять пушки с батареи вооруженною рукою они считают делом понятным, а рыться в земле — унизительным».

Все успехи союзников в эту кампанию ограничились тем, что они сожгли рассназщенный китобой «Аян», транспорт «Анадырь» и рыбный сарай в Петропавловске, захватили беззащитные коммерческие суда «Ситку» и «Грету», плашкоут в Петропавловске да весельный баркас и ял взорванного командой судна «Охотск» Российско-Американской компании. На острове Урупе они разграбили склад ценных мехов и запас провианта. В бывшей Императорской гавани, уже после заключения перемирия в 1856 г., англичане сожгли несколько зда-

ний. Остальные «трофеи» заключались главным образом в частном имуществе населения. Так в де-Кастри, по ироническим сообщениям английских газет, «союзники овладели дагеротипным женским портретом, ничтожным количеством провизии, разными мелкими принадлежностями женского туалета и пр.».

Нравы, царившие в английском флоте, вообще не отличались щепетильностью. Известный уже нам Стерлинг предложил русским военным морякам, захваченным англичанами после кораблекрушения на зафрахтованном немецком судне «Грета», освободить их из плена при условии доставки в наши укрепления на Амуре. Русские с негодованием ответили, что считают такое предложение оскорблением. Они взяты безоружными, после аварии, и хотя каждый стремится в отечество, ни один русский моряк не купит свободы ценой предательства. Никто не укажет неприятелю местонахождения своих судов, не даст ему возможности высмотреть под парламентарским флагом неизвестную местность и узнать фарватер к русским укреплениям.

События 1855 г. еще раз поставили Камчатку в центр внимания мировой печати. Французская и английская пресса, журналы и газеты США, Мексики, Чили, Перу и др. более года подряд помещали большие статьи о событиях на Тихом океане. Иностранные газеты сурово осуждали действия английского флота и жестоко издевались над его «трофеями» и «бдительностью». Английская эскадра сравнивалась с опереточными карабинерами,[1] неизменно запаздывающими к событиям. Действительно, англичане повсюду и всегда опаздывали. Из гавани Каллао неприятельская эскадра вышла только 5 мая, спустя месяц после ухода «Авроры», т. е. через 10 дней после получения сообщения об объявлении войны. В залив де-Кастри англичане явились с опозда-

[1] Карабинер — полицейский, жандарм.

нием на 14 часов и т. д. У мыса Шипунского они прокараулили прошедшую мимо них флотилию. Десятки раз одиночные русские военные суда проходили у самого носа потерявшего всякую бдительность неприятеля.

Гордые англичане, считавшие себя первыми моряками в мире, были посрамлены окончательно. Действия английского флота показали, что все его пресловутые качества — исключительная бдительность крейсеров, мужество и военное искусство — существуют лишь в предании. Естественно, что общественное мнение Англии, не успокоившееся еще после поражения 1854 г., было до крайности возбуждено сообщениями о двукратном уходе русской эскадры — сначала из Петропавловска и затем из залива де-Кастри. Английские газеты писали, что «негодование моряков достигло высшей степени», что «британский флаг был позорно унижен и обесчещен». Особенное негодование вызвало поведение английской эскадры в Татарском проливе.

События 1855 г. послужили также предметом оживленных дебатов в английском и французском парламентах. При обсуждении этого вопроса в английской палате в 1856 г. наиболее резким ироническим нападкам подверглось поведение адмирала Стерлинга и командира Эллиота, «не удостоверившегося в действительных силах русской эскадры и не сумевшего отличить корвет от транспорта».

Выступления английской печати становятся особенно ясными из следующей характерной статьи «United Service Gazette»: «К предстоящему открытию парламента, которое дает право ожидать решения некоторых сомнительных вопросов, обративших на себя всеобщее внимание»:

«С жадностью и нетерпением, но тщетно ожидали мы подробностей о необыкновенном уходе русских из залива де-Кастри. Из всех сообщений, до сих пор полученных, известно только, что кавалер ордена Бани, командор Чарльз-Джильберт-Джон-Брайтон Эллиот

20 мая в Татарском проливе, в бухте де-Кастри открыл русскую эскадру, имея под своим командованием 40-пушечный фрегат «Sybelle», 17-пушечный винтовой корвет «Hornet» и 12-пушечный бриг «Bettern»...

Русская эскадра была, вероятно, та самая, которая незадолго перед тем ушла из Петропавловской гавани. Известно также, что корвет подходил к русским судам и обменялся с ними несколькими выстрелами, но что, кроме этого, не было произведено никакой попытки к завязыванию дела с неприятелем. Пробыв в заливе в виду неприятеля до 23 числа, Эллиот отправил бриг отыскивать адмирала сэра Джемса Стерлинга, а сам снялся с якоря, чтобы выманить, как уверяют защитники командора, русских из их позиций. Из распоряжений командора не видно, чтобы корвету было поручено наблюдать за движением неприятеля, что он, как винтовое судно, легче и лучше бы исполнил. Напротив, как фрегат, так и корвет удалились на несколько дней в море из виду берегов. По возвращении 29 числа в залив командор не застал уже русских, они исчезли, воспользовавшись густым туманом, совершенно «отуманившим» союзников. Нам больно рассматривать случай, касающийся чести британского флага и долженствующий быть непременно подвергнутым военному суду. Необходимо узнать, почему командор Эллиот раздробил свои силы отправлением брига для отыскания адмирала и почему аглийский отряд вышел из залива де-Кастри в то время, когда русские в нем еще находились... Мы не будем возражать, если нам скажут, что русские были сильнее наших. Но следует принять в расчет, что русские суда были давно разоружены и долго стояли во льду с экипажами, лишенными практики и артиллерийских экзерциций. С другой стороны, наши суда находились в превосходном порядке, отлично вооруженные, с опытными

военными командами. Предположим даже, что русские во всем превосходили нас, и в таком случае обязанностью английского командора было не выпускать их из вида и, не вступая в бой, следить за ними до прибытия ожидаемого вскоре подкрепления. Удалением своим из залива де-Кастри Эллиот способствовал уходу и спасению русских, и в этом он должен дать отчет отечеству... Это исчезновение целой эскадры из наших глаз, так дурно рекомендующее бдительность, будет пятном на британском флаге. Все воды океанов не будут в состоянии смыть это гнусное бесчестье...»

Франко-английский флот потерпел позорное поражение в тихоокеанских водах. Союзники располагали здесь громадными по тому времени силами. В одном Охотском море оперировало в 1855 г. 22 французских и 34 английских военных судна. Китайская эскадра Англии насчитывала 14 и Тихоокеанская — 15 судов. Нашу флотилию, состоящую из 1 фрегата, 1 корвета, 3 транспортов и бота, сторожили 23 неприятельских судна, с 716 орудиями и экипажем в 7290 человек. Из Европы следовало все время одно подкрепление за другим. Английское адмиралтейство и французское командование посылали одно предписание категоричнее другого: уничтожить русские суда и укрепления. Никаких результатов в этом отношении достигнуто не было. Ни одна из важных задач, поставленных перед союзным флотом, не была разрешена. Русский военный флот на Тихом океане не был уничтожен. Нападение на Петропавловск кончилось разгромом. В заливе де-Кастри и Аяне союзники не имели также никакого успеха. Розыски северного и южного прохода к Амуру остались безуспешны.

Крымская война, которая «показала гнилость и бессилие крепостной России» (Ленин, т. XV, стр. 143), была проиграна. Царская Россия была бита за свою отсталость. «За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость

промышленную, за отсталость сельскохозяйственную» (Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 445). Но русский народ, как и во всех своих войнах, показал и тут образцы недосягаемого героизма и любви к родине. Защита Петропавловска останется навсегда одной из блестящих страниц героической борьбы русского народа за свое отечество. Вышедший из самых недр народа славный Рабоче-Крестьянский Красный Флот СССР свято чтит память и бережет традиции героического прошлого русских моряков.

Заброшенная и забытая окраина — колония царской России — Камчатка превратилась на глазах современников в цветущую индустриальную страну, неразрывный кусок великой советской земли. Подступы к новой социалистической Камчатке, как и ко всему Дальнему Востоку, охраняет надежный и мощный Тихоокеанский флот. И если настанет время грозных боев, наши красные моряки будут еще более жестоко громить врага, который посмеет напасть на советские воды.

Но громить его они будут уже не в своих, территориальных, а в чужих, вражеских водах.

ЛИТЕРАТУРА

Войт В. Камчатка и ее обитатели. СПБ, 1855.

Завойко Ю. Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854—1855). «Русский Вестник», 1876, т. 123.

Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели. Записки Приамурского отдела Русского географического общества, т. V, вып. 1. Хабаровск, 1899.

Отзывы иностранных газет о действиях союзного флота против русской эскадры в Восточном океане. «Морской Сборник» 1856, т. XX, № 1.

Рассказ иностранных газет о нападении англо-французов на Камчатку в августе 1854 года. (Извлечено из «Морского сборника» 1854 г.) СПБ, 1854.

Сильницкий А. Адмирал Завойко и его деятельность в Приамурском крае в муравьевскую эпоху. «Приамурские Ведомости» 1898, № 227.

Фесун, лейтенант. Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора». «Морской сборник» 1860, т. XLV, № 1; т. XLVII, № 6; т. XLIX, № 11.

Шумахер П. Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854 и 1855 годах. «Русский Архив» 1878, № 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

